

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

МОДЕРНИЗАЦИЯ, АВТОРИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Сборник материалов конференции

(ИМЭМО РАН, 29 марта 2010 г.)

Москва
ИМЭМО РАН
2010

УДК 321
ББК 66.0(2Рос)
Мод 744

Серия "Библиотека Института мировой экономики и международных отношений"
основана в 2009 году

Мод 744

Модернизация, авторитаризм и демократия. Сборник материалов конференции (ИМЭМО РАН, 29 марта 2010 г.). Отв. ред. Н.В. Загладин, В.И. Катагарова. М., ИМЭМО РАН, 2010 - 75 с.

ISBN 978-5-9535-0238-2

Проведенная в ИМЭМО РАН конференция была посвящена вопросам политического содержания предстоящей в России модернизации. Обратившись к отечественному и зарубежному опыту модернизационных процессов, участники конференции стремились найти ответы на взаимосвязанные вопросы оптимальных форм политического обеспечения ускоренного развития, содержания перемен в различных сферах общественной жизни в условиях модернизации, наличия для нее предпосылок в российском обществе.

Modernization, avtoritarianism and democration / Eds. N.Zagladin, V.Katagarova.

This compendium of papers represents the results of the conference dedicated to the political background of modernization process, starting in Russia. The conference took place at the Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences. The participants of the conference addressed foreign and Russia's experience of modernizations and tried to outline the optimal forms of political provision of modernization, the content of possible changes in different fields of society development, prerequisites for modernization in Russia society.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0238-2

© ИМЭМО РАН, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гонтмахер Е. Ш. Вступительное слово.....	5
ЧАСТЬ I. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ.....	5
Ворожейкина Т. Е. Иллюзии авторитарной модернизации.....	5
Хорос В. Г. Модернизация, авторитаризм и демократия в посттрасционных обществах.....	6
Чугров С.В. Социокультурные параллели в демократическом развитии России и Японии.....	10
Виноградов А.В. Политическое обеспечение модернизации в Китае.....	11
Хенкин С.М. От авторитарной к демократической модернизации. Опыт Испании.....	12
Володин А.Г. Модернизация в Индии: комбинация демократических и авторитарных методов.....	21
Перегудов С.П. Проблемы модернизации в Великобритании.....	24
ЧАСТЬ II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ.....	30
Сумский В.В. Политические парадоксы модернизации.....	30
Загладин Н.В. Авторитаризм, демократия и внешние факторы модернизации.....	30
Вайнштейн Г.И. Фактор политической системы в процессах общественной модернизации: мировой опыт и российские реалии.....	33
Холодковский К.Г. Изживание традиционной формулы модернизации в России.....	38
Пантин В.И. Модель полуавторитарной модернизации.....	42
Семенов И.С. Повестка дня российской модернизации: об акторах, уровнях и механизмах модернизационного проекта.....	45
Михалева И.М. Реплика.....	50
Беляева Н.Ю. Реплика.....	51
Шейнис В.Л. Реплика.....	51
Лапкин В.В. Дилеммы и казусы модернизации в начале XXI в.....	52

ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ

АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ58

Садовая Е.С. Формирование социальной базы поддержки реформ как условие реализации проекта модернизации России.....58

Веденеева В.Т. Модернизация и социальные риски на рынке труда.....62

Гутник А.В. Формирование информационной экономики как важнейший аспект модернизации России.....70

Гонтмахер Е.Ш. Заключительное слово.....74

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В Российской Федерации сложилась мягкая авторитарная система, правда тенденций к ее ужесточению пока не наблюдается. Этапами ее становления были: расстрел парламента в 1993 г. и выборы 1996 г., ее развитие продолжилось в начале 2000-х гг. Может быть коллеги и не согласятся с таким термином, как персоналистский мягкий авторитарный режим, но главное в том, что мы оказались на очередной развилке истории.

Кризис затронул экономику, но он высветил и многие проблемы социально-политического характера. И Д.А. Медведев, и В.В. Путин констатировали, что возвращения к докризисному состоянию страны не произойдет.

Прошло уже четверть века с начала перестройки, а мы до сих пор спорим, какой путь выбрать, что «годится» и что «не годится» для России. По моему мнению, в России вполне может сложиться демократическая система европейского типа, хотя демократия в Европе тоже переживает период трансформаций.

Сейчас у нас начинается очередной политический цикл. Всего через полтора года состоятся выборы нового состава парламента, а затем и Президента, причем он будет находиться у власти целых шесть лет. Перед ним встанут огромные проблемы – это архаичная экономика, внешняя политика, лишенная долгосрочных ориентиров, сбой в политической системе, основой которой является «Единая Россия», а эта партия, как показал опыт последних региональных выборов, без поддержки административного ресурса проигрывает.

Следующему Президенту нельзя придти к власти без четкой, долгосрочной программы и команды, способной ее реализовать.

Наша страна находится в, условно говоря, точке «А», из которой надо начать передвижение к желаемому состоянию, в пункт «Б». Основная проблема состоит в том, как создать и запустить механизм осуществления такого перехода. Мировой опыт показывает, что иногда он начинается с прихода к власти революционным путем молодой команды реформаторов, которые, начиная с авторитарных методов, поворачивают общество на путь демократического развития. В других случаях, слабеющий авторитарный режим сам, добровольно отдает власть.

Оба варианта не обходятся без издержек. Надо учитывать, что люди, стоящие у власти нередко опасаются перемен, боятся за свою личную судьбу. Порой делаются ссылки на пример политики М.С. Горбачева – дескать, хотел перейти к качественно новому состоянию общества, а в итоге начался хаос, произошел распад СССР. Правда, полагаю, СССР ко времени начала перестройки уже был обречен, а заслуга Горбачева в том, что распад Союза прошел без больших жертв, не по югославскому сценарию.

Надеюсь, в ходе конференции мы рассмотрим эти вопросы, опираясь на зарубежный опыт модернизации, его институциональный и структурный анализ.

ЧАСТЬ I. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Ворожейкина Т.Е.

ИЛЛЮЗИИ АВТОРИТАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Модернизация - это комплексный феномен, подразумевающий перемены в экономике, социальные трансформации, консолидирующие общество, перемены в политической жизни, изменение типа государства. Попытки проводить консервативную модернизацию, сводящиеся лишь к ускоренному развитию отдельных отраслей ведут к росту напряженности, конфликтности в обществе.

Само понятие «модернизация» зародилось в эпоху модерна, оно знаменовало переход от традиционного, докапиталистического общества к современному, превращения человека из подданного того или иного монарха в гражданина. В Латинской Америке период модернизации прошел в 1930-1950-е гг. Авторитарно-популистские режимы обеспечили переход от доиндустриального к индустриальному обществу, повысилась степень интегрированности социума.

Много мифов сложилось вокруг перемен 1960-1970-х гг. Единственный пример относительно эффективной модернизации дал опыт Чили времен диктатуры, когда ускорилось экономическое развитие, возрос экспорт. В то же время, за этот период на 1/3 упал уровень жизни. Социальная модернизация и интеграция общества наметились лишь после падения диктатуры, причем возврат к демократии произошел не благодаря, а вопреки диктаторскому режиму. Свою роль сыграл тот фактор, что Чили была единственной страной Латинской Америки с демократическими традициями, приближаясь в этом отношении к западноевропейским государствам.

В Бразилии в годы диктатуры был осуществлен рывок в индустриальном развитии. Социальная модернизация и даже выход на постиндустриальный уровень произошли лишь после падения военного режима, в борьбе с которым упрочились устои гражданского общества.

Можно, однако, предположить, что стоящая сейчас на повестке дня многих стран постиндустриальная модернизация в принципе не может ассоциироваться только с переменами в экономической сфере. Россия же сталкивается с тем, что многие факторы препятствуют любым переменам.

Во-первых, политика носит не публичный характер, государство фактически приватизировано узкой группой кланов и служит их интересам, слияние обладания властью и собственностью тормозит модернизацию.

Во-вторых, особенностью «мягкого» российского авторитаризма является неструктурированность властных институтов и отношений, что затрудняет и формирование оппозиции.

В итоге, иницируемые властью проекты приобретают характер афер, обогащающих узкие группы элиты. Надо же было для проведения зимних Олимпийских игр в России выбрать единственный в стране субтропический город! Или начать строить никому не нужную Кремлевскую долину в Сколково. В США создание такого центра было востребовано производством, экономикой, обществом, а правительство только создало условия для его развития.

Хорос В.Г.

МОДЕРНИЗАЦИЯ, АВТОРИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ В ПОСТТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Четырнадцать лет назад наш Центр издал книгу «Авторитаризм и демократия в развивающихся странах». Готовясь к выступлению на конференции, я перелистал эту книгу и с некоторым удивлением обнаружил, что очень многое в этой работе имеет смысл и сейчас. Там, например, было предвосхищено – в форме пожелания – появление в постсоветской России доминантной партии. (Другое дело, что эта партия сегодня выглядит не столь привлекательно, как бы хотелось). Главное же, в данном исследовании осмысливается большой исторический опыт авторитаризма и демократии в процессе модернизации. Так что в своем выступлении я буду отталкиваться от основных идей и выводов нашего коллективного труда,¹ которые,

¹ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. Отв. ред. В.Г.Хорос. М.: Наука, 1996..

как я надеюсь, могут помочь нам войти в проблематику модернизации в современной России.

Сначала о том, что такое модернизация. На этот счет сейчас в литературе, особенно в публицистике и СМИ, бытуют самые разные представления, что дезориентирует. Между тем научное определение модернизации, утвердившееся с 1960-1970 гг. вполне определено: это – всемирно-исторический процесс перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному (или обществу массового потребления). Начался он в XVI в. в Европе, для ряда стран (Запад, Япония) он уже завершен и сменяется постиндустриальной стадией развития; в других странах, в том числе в России, он еще продолжается.

Модернизация носит комплексный характер, идет в различных направлениях – экономическом, социальном, политическом, правовом, идейно-культурном. Все эти векторы взаимосвязаны и в принципе «подталкивают» друг друга. Но они не обязательно идут синхронно. Скажем, политическое развитие может отставать от экономического прогресса, идейно-культурное – обгонять их и т.д. Какие-то временные лаги здесь зачастую возникают, хотя они, естественно, не могут продолжаться долго, и обнаруживающиеся диспропорции обязательно будут требовать своего разрешения.

Модернизация протекала неравномерно в мировом пространстве и историческом времени. Инициатором модернизации и ее первым эшелонам стал ареал Запада (евроамериканский регион). Здесь, правда, существуют две точки зрения. Одни рассматривают Запад как единый эшелон, другие выделяют в нем два эшелона (условно говоря, Англия-Франция – и Германия, Италия). Вторая точка зрения возможна, но представляется мне вызывающей затруднения. Ибо, строго говоря, на Западе можно выделить гораздо больше, чем два «подэшелона»: Англия, которая до середины XIX в. намного обгоняла всех; Франция, Голландия, Бельгия; США; Германия, Италия; скандинавские страны; Испания, Португалия, – не говоря уже об остальных. Первая же точка зрения проще и имеет основания потому, что конечный результат модернизации в указанных странах состоял – несмотря на разницу в исторических сроках и конкретных моделях реализации – в складывании к последней трети XX в. определенного, примерно одного и того же типа общества, что оказалось возможным по причине социокультурного, цивилизационного единства всего западного, евроамериканского мира.

Второй эшелон – это крупные незападные страны, значительно позже вступившие на путь модернизации (*latecomers*), но имевшие возможность осуществлять ее в условиях политической независимости (Россия, Япония, Турция, крупные латиноамериканские страны).

Третий эшелон – колониальная и зависимая периферия стран Азии, Африки и ряда стран Латинской Америки, стартовавшая еще позже (начало – середина XX в.) после завоевания политической независимости и при инерции сохранения зависимости экономической (*late-latecomers*).

Теперь посмотрим на эту ступенчатую модернизацию с точки зрения авторитаризма и демократии. Что здесь бросается в глаза?

В первом эшелоне ведущей тенденцией политической модернизации является демократия. Разумеется, она утвердилась не сразу. Предпосылки ее возникли в позднем средневековье, долгое время она сосуществовала с монархическими институтами, проходила разные стадии зрелости – от цензовой демократии до всеобщего избирательного права. В одних странах демократические структуры формировались раньше, в других позже; эти структуры различались какими-то местными особенностями. Но общность их основных черт и общность демократизации как вектора политической модернизации не вызывает сомнений.

Могут спросить: а как же фашизм? Некоторые исследователи соотносили его с модернизацией, рассматривали как средство «пришпорить» ее. Представляется, однако, что фашизм не имеет прямого отношения к модернизации, он может быть понят в контексте геополитики, завоевания «жизненного пространства», передела мира и пр. Соответственно, экономический или технологический прогресс выливается в данном случае лишь в милитаризацию.

В последующих эшелонах мы видим другую картину – на первый план выступает авторитаризм. Формы его различны – монархия, а затем социалистический дирижизм в России (СССР), правительство «Мэйдзи» в Японии, кемализм в Турции, каудилизм или военные хунты в Латинской Америке. В третьем эшелоне долгое время также преобладал авторитаризм. Случаи демократии весьма редки – Индия, Цейлон и некоторые другие. Вместе с тем авторитарные режимы «третьего мира» в той или иной мере допускали какие-то демократические институты (парламент, элементы гражданского общества, относительную свободу прессы), хотя и ограничивали их.

Почему в незападных обществах, ставших на индустриальный путь исторически позже, модернизация в большинстве случаев пролегла через политический авторитаризм? Во-первых, в этих обществах не было (или было гораздо меньше) цивилизационных предпосылок демократии по сравнению с Западом. Во-вторых, сама историческая ситуация запоздалого старта стран Периферии, для которых стадильно более развитый Запад являлся не только образцом и примером, но также угрозой, диктовала мобилизационные методы. На место либерализма и «независимой руки рынка» приходила повышенная роль государства и «видимая рука» экономического дирижизма.

Разумеется, сам по себе авторитаризм не является гарантом модернизации. Здесь, как говорится, всяко бывает. Если взять исторический опыт более близкого к нам периода (третьего эшелона) независимых стран, то можно выделить такие основные разновидности авторитаризма:

- авторитаризм непродуктивный, не способный достичь консенсуса в обществе и направить его по пути развития, опирающийся главным образом на насилие, результатом чего является, то, что можно назвать псевдомодернизацией. В качестве примеров можно указать на центрально-американские диктатуры, большинство африканских режимов (типа Заира), Пакистан и некоторые другие;

- модернизаторский авторитаризм, достигающий результата, хотя и в разной мере и с различными издержками. Внутри этой разновидности, давшей нам так называемых «тигров», новых индустриальных стран, можно выделить:

- авторитаризм на основе ограниченного консенсуса (Чили времен Пиночета, Индонезия при Сухарто, Южная Корея 1960-1980-х годов, шахский Иран, Турция, Бразилия при военном правлении и др.);

- авторитаризм на основе широкого консенсуса (Тайвань, Малайзия, Мексика до той поры, пока институционально-революционная партия была более или менее дееспособной, современный Китай, Вьетнам и некоторые другие).

Авторитаризм соответствует определенной стадии политической модернизации, которая рано или поздно завершается и происходит переход к демократии. В каждой конкретной стране этот переход имеет свою специфику и детали. Но есть и некоторый общий тренд – рост среднего класса как результат экономического прогресса, стимулированного авторитаризмом. Достигнув определенной степени зрелости и самостоятельности, представители среднего и мелкого бизнеса, квалифицированный персонал, интеллигенция претендуют на более активное участие в принятии политических решений и хотели бы освободиться от опеки авторитарного режима. Тогда происходит эрозия (или эволюция) последнего –

иногда плавная, иногда не очень, что зависит от степени гибкости авторитарной власти (или, напротив, от ее чрезмерной жесткости). Примеры такого перехода - Южная Корея и Тайвань с 1990-х годов, Бразилия и Аргентина после правления военных, Чили после Пиночета и др.

Наконец, демократия. Выше уже отмечалось, что примеры успешной «первичной» демократии в странах запоздалого развития, втором и третьем эшелонах – единицы. Прежде всего, Индия. Но это особый случай. Утверждение здесь демократии во многом связано с тем, что у истоков освобождения от колониальной зависимости стояли такие крупные исторические фигуры, как Махатма Ганди, отстаивавший принципы ненасильственной политической борьбы, и Джавахарлал Неру, выдающийся мыслитель и общественный деятель, огромный авторитет которого помог ему стать модератором различных течений и партий. Вместе с тем надо иметь в виду, что демократия в Индии долгое время существовала в форме того, что Н.А.Симония называл «парламентским авторитаризмом», т.е. лидерством крупнейшей политической партии – Индийский национальный конгресс, который лишь сравнительно недавно стал делить пальму первенства с другими партиями или коалициями. Надо сказать вообще, что доминантная партия – вообще достаточно распространенный феномен в азиатских странах. Так, в Японии, перешедшей от авторитаризма к демократии после Второй мировой войны, до недавнего времени доминировала одна партия (ЛДП). И так было и есть не только в Японии.

Какие выводы из этого небольшого историко-теоретического обзора можно сделать применительно к нынешней России? Коротко остановлюсь на двух пунктах.

Во-первых, хотя модернизация – это всемирно-исторический процесс, но одновременно он и конкретно-национальный. В этом смысле модернизация не равнозначна вестернизации. Безусловно, заимствование тех или иных достижений Центра (Запада) имело место во всех *latecomers* и *late-latecomers*, незападных обществах, позже подключившихся к процессу модернизации. Но успешной модернизация в этих регионах получилась тогда, когда заимствования адаптировались к местной «почве», национальным особенностям и традициям. В противном случае «принимающее» общество сталкивалось с разного рода нестроениями и расколами. В общем, модернизация должна исходить из условий места и времени.

Россия – не новичок модернизации, которая идет в стране уже три века (начиная с эпохи Петра I). Срок солидный, и в ходе него вполне обозначились некоторые особенности национальных традиций (например, повышенная мобилизующая роль государства; относительно слабое развитие института частной собственности по сравнению с другими ее формами – государственной, корпоративной, общинной, кооперативной и пр.; особая роль первого лица в политической культуре и др.), которые иногда работали на модернизацию, иногда тормозили ее. Эти особенности (ценности, институты) можно корректировать, совершенствовать, уточнять, частично видоизменять, - но не учитывать их нельзя, а тем более просто отбрасывать, заменяя, как говорится, один знак на противоположный.

Если говорить о нынешнем историческом этапе в России, то существенным обстоятельством здесь является следующее. Два десятилетия непродуманных (а в чем-то очень «хорошо продуманных») либеральных реформ привели к значительной демодернизации и деиндустриализации в стране, сырьевой ориентации периферийного типа и упадку машиностроительных отраслей. Поэтому для России сейчас основная задача – довершить индустриальную модернизацию. Можно, конечно, инициировать какие-то инновационные проекты, внедрять, где это получается, хай-тек, но надеяться на то, что можно «перескочить» на

постиндустриальную стадию, не завершив индустриального этапа – это иллюзия.² Между тем сейчас и в официальных заявлениях, и в СМИ все вертится вокруг «инновационной экономики», Но построить Сколково или суперсовременный олимпийский комплекс еще не означает модернизации. Точнее, это будет элитарная модернизация, что имеет такой же смысл, как «круглый квадрат». Ибо подлинная модернизация означает приобщение к процессу развития, экономического, социального и интеллектуального прогресса большинства населения, как это имеет быть в развитых странах.

Во-вторых, о политической модернизации. Сейчас говорят: хватит нам авторитаризма, силовиков. Давайте перейдем к демократии (или возвратимся к оной). Что это значит? Разрешить или учредить в ближайшее время 15-20 политических партий? Мы это уже проходили в 1990-е годы (вплоть до «партии любителей пива»). Демократия не может создаваться искусственно, декретами и постановлениями, она должна вырастать из определенных предпосылок – каких-то контуров гражданского общества, образования групп интересов, на основе которых будет происходить организационное оформление политических партий, формирование консенсуса общества вокруг общих принципов, на основе чего возможно и различие в позициях по частным вопросам. Если этого нет (и пока этого нет), стимулировать, ускорять складывание этих предпосылок, выпадает, как всегда это было в России, государственной власти, авторитаризму.

Впрочем, в нынешней российской власти пока нет единства. В ней достаточно сильны позиции тех, кто отстаивает принцип «невмешательства» государства в экономику и всемерного развития рынка, который «сам все устроит». Поэтому, несмотря на планы модернизации, в стране нет даже индикативного планирования, поэтому интересы энергетических отраслей по-прежнему доминируют. Поэтому вообще, гораздо больше говорится о модернизации, чем делается. В общем, беда не в том, что в России авторитаризм «нулевых» сменил «демократию» девяностых. Проблема в том, чтобы этот авторитаризм стал действительно модернизаторским.

Чугров С.В.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ И ЯПОНИИ

В России и Японии реформы начались в 60-е гг. XIX века. Япония после поражения в войне приняла и стала считать своей навязанную ей американцами демократию. Россия вступила на путь демократии после 1991 г., сейчас, на первый взгляд, ее с Японией сближает приверженность рыночной экономике, либеральной демократии.

Между тем, существующий стереотип, согласно которому Япония является классической страной либеральной демократии это – миф. Японцы сохранили базовые черты своего традиционного мышления. Согласно опросам общественного мнения такой традиционной ценности как солидарность, взаимоподдержка, помощь слабым, придерживается 73 % японцев, а идеалы свободной конкуренции представляются важными только 22 %. При этом, с течением времени уровень поддержки традиционных ценностей возрастает. Так, конфуцианский принцип оплаты добром за добро в 1963 г. считали важным 43 % опрошенных, в 2008 г. – 75 %. Принцип сыновней почтительности к старшим в 1963 г. разделялся 60 % японцев,

² Сейчас порой говорят даже о постиндустриальной модернизации. Это так же странно, как призывать к постиндустриальной индустриализации.

в 2008 г. уже 76 %. В то же время, западный принцип соблюдения индивидуальных прав личности считали важным в 1963 г. 49 % опрошенных, в 2008 г. – лишь 27 %.

На первый взгляд, политические институты Японии соответствуют стандартам западной демократии: существует система разделения властей, сдержек и противовесов, многопартийность, регулярно проводятся выборы. Однако все важные решения принимаются кулуарно, в доверительной обстановке на основе компромисса и консенсуса, а не в ходе парламентских дебатов. Большое развитие получил лоббизм в форме субсидирования политических партий и через личные связи высших чиновников, после выхода на пенсию ставших руководителями коммерческих структур.

В целом, в Японии сложился довольно эффективный механизм принятия политических решений, сочетающий традиционные методы с внешне демократическими процедурами.

Единственно возможная ситуация, когда секреты политической кухни становятся достоянием общественности – коррупционные скандалы, которые не удалось замолчать. В этом плане, японские СМИ имеют большую степень свободы, чем российские.

Сближают Японию и России традиции ставить государственные интересы выше личных, уважительное отношение к власти, ожидание от государства помощи и поддержки. При этом если на Западе человек воспринимает себя как свободного индивида, то японец не мыслит себя вне коллектива, что близко к размывающемуся российскому общинному сознанию.

И в Японии, и в России восприятие того что справедливо, а что нет нередко стоит выше буквы закона, формально утвержденных норм. Но при этом в Японии наибольшее значение придается приверженности достигнутому на основе компромисса консенсусу, что является важнейшим источником стабильности в обществе. В России культура компромисса не получила развития, этому опыту стоило бы поучиться.

Виноградов А.В.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В КИТАЕ

Первые ростки демократии появились в Европе в середине XVII века, когда поднималась начальная волна демократизации. С тех пор под демократизацией понимается приближение к мировому, эталонному уровню демократии, под которым подразумеваются европейские стандарты. В итоге, деформируются самобытные национальные культуры многих стран, борьба за демократию выступает не как противостояние нового старому, а как конфликт между культурами. Процесс естественно-исторического развития, органичных процессов, характерных для Европы, меняется на множество гибридных, нелинейных перемен, которые означают рост многообразия в мировом развитии. Европейцам трудно понять такое многообразие, их рекомендация сводятся к советам заимствовать либеральную, открытую экономику и демократические институты. Это очень похоже на ортодоксию марксизма-ленинизма, сторонники которого предлагали внедрять централизованное управление экономикой и власть Советов.

Верно, что большинство авторитарных режимов не выдерживали испытаний модернизацией, связанных с соблазном – заимствования сперва методов организации производства, образования, а затем и принципов функционирования политической системы. Все модернизации при авторитаризме ограничивались временем жизни одного поколения. Главная проблема заключалась в сложности обеспечения легитимности власти в условиях перемен. Авторитарные режимы обычно ориентированы на поддержание стабильности, в том числе и за счет

проведения репрессивной политики. Импульсы к переменам – необходимым для модернизации - обычно исходят от высшей власти, однако институтов, обеспечивающих постоянный динамизм развития, как правило, не складывается. Именно на этой почве и возникает стремление к политическим переменам.

Иначе говоря, вопрос состоит не в антагонизме между авторитаризмом и демократией, а в проблеме создания эффективной власти, обеспечивающей динамичное развитие общества. Вера в то, что безальтернативным вариантом здесь выступает копирование западного опыта, пошатнулась в условиях глобального кризиса, продемонстрировавшего эффективность китайской модели просвещенного авторитаризма. Она пока не претендует на универсальность, но уже вызывает интерес.

Еще в 1980-е гг. в Китае было широко распространено мнение, что авторитарная модель носит временный характер и будет изжита после перехода к рынку. Ситуация, однако, сложилась иначе, ибо авторитаризм в стране претерпел качественные изменения.

Свою роль в этом сыграла прочность традиций китайской культуры, самой древней в мире. При этом Китай никогда не завоевывался иностранцами, в отличие от Индии, полтора века находившейся под властью англичан.

Большое значение имела политика Дэн Сяопина, который, не занимая государственных постов, обладал огромным авторитетом. Его усилиями признание ошибок предшествующих лидеров, прежде всего Мао Цзэдуна, не переросло в нигилистическое отрицание прошлого. Благодаря этому КПК сохранила легитимность своей власти в глазах общества.

Далее, лидеры КНР 1980-1990-х гг., будучи немолодыми людьми, не пошли по пути сохранения за собой занимаемых постов пожизненно, они задумались о преемниках, уважающих их заслуги. В итоге сложилась система передачи власти, обновления правящей верхушки.

Большое значение имело признание КПК авангардом не только рабочих и крестьян, но и всего китайского народа. Тем самым, она перестала противопоставлять себя какой-либо части общества, получила возможности расширения социальной базы через продуманный отбор кадров.

Представляется, что в России в какой-то мере используется опыт Китая. В.В. Путин после восьми лет успешного правления приобрел немалый авторитет, но он не пошел по пути увековечения своей власти, обеспечив подконтрольную сменяемость первых лиц. Делаются попытки обеспечить стабильность режима с институционализацией процесса его обновления. Однако, в отличие от Китая у нас не сложилась продуманная система подготовки и отбора кадров, слишком многое зависит от субъективных мотивов и соображений. Намного эффективней в Китае ведется борьба с коррупцией, существует система «прозрачности» доходов и собственности высшей элиты, включая членов Политбюро и их семей.

Хенкин С.М.

МОДЕРНИЗАЦИЯ, АВТОРИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ: ОПЫТ ИСПАНИИ

Переход Испании от авторитарного франкистского режима к демократии признается экспертами во многих отношениях эталонным. И точно также, на мой взгляд, можно признать во многих отношениях эталонными авторитарную и демократическую модернизации в этой стране. Обе они развивались довольно последовательно, при этом первая весьма органично переросла во вторую. Важнейшим результатом модернизационного процесса стала смена Испанией парадигмы политической и духовной культуры. Страна преодолела авторитарную

традицию, разорвала казавшийся бесконечным круг насилия, перешла на демократическую магистраль. На испанском материале хорошо просматриваются плюсы и минусы авторитарной и демократической модернизации, механизм перерастания первой во вторую.

Для России испанский опыт в целом ряде аспектов интересен и поучителен. В исторических судьбах этих стран, расположенных на двух оконечностях европейского континента, на перекрестке между Западом и Востоком, есть немало общего. Обе они относятся к группе стран позднего периферийного капитализма с многовековой авторитарной традицией, глубокой социально-политической поляризацией населения. Обе прошли через многочисленные революции, перевороты, гражданские войны. Сходство состоит и в том, что Россия и Испания - многонациональные государства, постоянно решавшие сложные вопросы взаимоотношений между центром и регионами. Наконец, обе страны были империями. И это имперское прошлое дает знать о себе и поныне в их национальной психологии, политической культуре. Как известно, пограничным культурам свойственны большие по сравнению с культурами непограничными открытость и закрытость, постоянная напряженная борьба между «всемирной отзывчивостью» и сохранением традиционности, между европейцами и сторонниками своего, самобытного пути развития.

Модернизационный рывок, создавший предпосылки для перехода Испании к демократии, осуществился на поздней стадии развития авторитарного режима. И это при том, что авторитарная модернизация шла на протяжении всего франкистского периода. По существу, при франкизме Испания пережила два разных типа авторитаризма развития, которые различались по глубине и масштабности модернизации, степени охвата ею различных сфер общественной жизни. В период раннего франкизма, с 1939 по 1958 г., в основу государственного строительства в Испании были положены принципы корпоративизма и автаркии - изоляции страны от международного разделения труда и создания соответствующей идеологической атмосферы. Однако этому времени отнюдь не была свойственна повсеместная стагнация. В годы раннего франкизма развитие шло - и прежде всего в экономической сфере. Режим ориентировался на ускоренную индустриализацию, монополизацию, перерастание испанского капитализма в государственно-монополистическую стадию. Быстрыми темпами росли машиностроение, химия, электроэнергетика. Появились новые отрасли - автомобильная и приборостроение; производство станков увеличилось в 268 раз. Создание современных отраслей промышленности было объявлено такой же важной патриотической задачей, как разгром красных в гражданскую войну. Позитивные перемены происходили и в социальной сфере. Была организована система страхования, предусматривавшая пособия по нетрудоспособности, тринадцатую и четырнадцатую зарплаты. В 1951 г. к этому добавилось бесплатное медицинское обслуживание населения. В условиях крайней нищеты первых лет после гражданской войны, когда в стране царил настоящий голод, это позволило выжить многим людям.

Что же касается политики и идеологии, то применительно к Испании тех лет трудно говорить об авторитарной модернизации (правда, в 1942 г. были учреждены кортесы, но это были псевдокортесы, не являвшиеся действительно представительным учреждением, а в 1947 г. восстановлен институт монархии, но страна оставалась без короля). В политике сохранялись родовые, сущностные черты ярко выраженного авторитарного режима, который до 1945 г. испытывал сильное влияние германского и итальянского тоталитаризма. Строгий контроль государства обуславливал подавление частной инициативы и жесткую регламентацию разных

сторон общественной жизни, использование массового террора и репрессий против левой оппозиции.

В 1957-1958 г.г. разразился острый валютно-финансовый кризис, отчетливо выявивший (на фоне экономических успехов многих западноевропейских стран, подписавших договор о создании Общего рынка) неэффективность хозяйственного механизма Испании, сторонившейся международного разделения труда. Политика автаркии вызвала деформацию экономических связей, системы цен, появление множества мелких неэффективных предприятий, износ оборудования, разбухание штатов предприятий. Продолжение изоляционистского курса грозило стране усилением отставания и усугублением социально-экономических трудностей. На повестку дня встал вопрос о глубокой экономической реформе, призванной ограничить вмешательство государства в хозяйственную жизнь, восстановить полноценные товарно-денежные отношения, привлечь иностранный капитал. Это был судьбоносный момент в истории франкизма. Решался вопрос о выборе модели социально-экономического развития: или переход к открытой рыночной экономике, или продолжение курса на автаркию.

Не удивительно поэтому, что в правящем лагере усилились разногласия между технократами в лице приверженцев католической организации "Опус Деи", которые представляли динамичные круги испанской буржуазии и выступали за реформирование режима, и ортодоксальными франкистами, требовавшими сохранения статус-кво. В этом остром столкновении верх одержали технократы. По существу правящий блок раскололся. Победа реформаторов привела к самокоррекции, самореформированию франкизма, переходу авторитаризма развития в новое качество.

В конце 50-х - первой половине 70-х годов Испания пережила другой тип авторитаризма развития, более масштабный и полноценный, чем предшествующий. На мой взгляд, в период позднего франкизма произошли те изменения, на которые вообще способен авторитарный диктаторский режим, ориентирующийся на развитие. Франкизм смягчился, встав на путь экономической и политической либерализации и превратившись в диктабланду («мягкую диктатуру»), используя латиноамериканскую терминологию. Результатом трансформаций стал бурный экономический подъем, основывавшийся на поступлениях от начавшего развиваться массового туризма, денежных переводов от испанцев, получивших разрешение выезжать на заработки в страны Запада, а также широком притоке иностранного капитала.

«Экономическое чудо» сопровождалось многообразными изменениями в различных сферах жизни испанского общества. Обобщенно характерные для позднего франкизма сдвиги можно представить следующим образом:

-в экономике - завершение перехода от аграрно-индустриального общества к индустриально-аграрному, резкое изменение соотношения в ВВП между сельским хозяйством и промышленностью в пользу последней (по объему промышленного производства Испания вышла на пятое место в капиталистической Европе и восьмое место в капиталистическом мире), быстрая урбанизация;

-в социальной сфере - значительное улучшение материального положения миллионов испанцев, формирование многочисленного среднего класса;

-в политике - либерализация авторитарного режима, сопровождавшаяся, в частности, ослаблением цензуры, разрешением на создание ассоциаций, не носивших характера политических партий, правом рабочих на заключение коллективных договоров, экономическую забастовку;

-в идеологии - отказ от оголтелого национализма и религиозного фанатизма, при сохранении антикоммунистической индоктринации;

-в социальной психологии - радикальные изменения в менталитете миллионов испанцев.

В целом авторитарная модернизация 50-х – начала 70-х годов привела к таким изменениям, которых не знала вся предыдущая история Испании. Их справедливо сравнивают с лютеровской реформацией.

Отдельно надо сказать о социально-психологических последствиях авторитарной модернизации. Промышленный бум, стимулировав потребительские и конформистские настроения в одних слоях населения, содействовал пробуждению новых потребностей, обострению неудовлетворенности, осознанию приниженности своего положения в других. На руку недовольным сыграла и либерализация политической системы диктатуры, ее терпимое отношение к умеренной оппозиции. В Испании начало возрождаться гражданское общество. Социально-политическая жизнь забурлила, приобрела независимую от правящей верхушки логику развития. Наибольшие по силе и масштабам за весь период диктатуры социальные конфликты пришлось именно на 60-е – первую половину 70-х годов. Между гражданским обществом и франкистским государством возникли антагонизмы, подтачивавшие устои режима и приближавшие его конец. Технократы, реформировавшие авторитарный режим, вовсе не стремились к его демонтажу, а хотели лишь сделать политическую систему более гибкой и динамичной. На практике, однако, они выступили в роли могильщиков диктатуры, попав в созданную ими самими ловушку.

Особенно подчеркну, что Испания в годы позднего франкизма прошла хорошую подготовительную школу транзита к демократии. В обществе стали распространяться толерантность, терпимость друг к другу представителей правых и левых сил, которые еще недавно были разделены на два враждебных лагеря, сложившихся еще в канун гражданской войны. И именно в периоде позднего франкизма надо искать корни будущих «пактов Монклоа», цивилизованного межпартийного сотрудничества правых и левых, приведшего к становлению демократии.

Изменив лицо Испании, повысив уровень благосостояния значительной части населения, авторитарная модернизация далеко не разрешила многих проблем, которые уходили корнями в период автаркии и в предшествующую историю страны. Экономический подъем не сопровождался соответствующими изменениями в аграрной структуре, сохранившей ряд докапиталистических пережитков, в частности латифундизм. В результате бума обострились региональные диспропорции. Имущественное расслоение населения по-прежнему оставалось глубоким. Экономический разрыв, традиционно существовавший между Испанией и ее западноевропейскими партнерами, не был преодолен. В 1974 г. хозяйственная структура Испании имела определенное сходство со структурами стран Общего рынка 1960 г. При этом ВВП на душу населения и производительность труда были здесь примерно вдвое ниже.

Замечу также, что в годы «экономическая чуда» диктаторская сущность франкизма оставалась неизменной, аресты и судебные преследования противников режима не прекратились.

Предпосылки для свержения авторитарного режима не означали, что он автоматически падет и авторитарная модернизация тут же перерастет в демократическую. Разлад между официальной и реальной Испанией, выразившийся в политическом кризисе франкизма, мог продолжаться очень долго. В борьбе с диктатурой участвовало лишь меньшинство испанцев. Уже отмечалось, что в условиях бума в обществе распространились аполитичность и потребительские ориентации. По данным опросов, в начале 70-х годов только 15% населения интересовались политикой. Экономические успехи усилили легитимность режима в

глазах части испанцев. Широкомасштабная демократическая модернизация вряд ли могла начаться, пока был жив Франко. Как это часто случается в подобных ситуациях, диктатор олицетворял созданный им режим, одним своим присутствием парализуя стремление к изменению системы.

Да и ситуация, сложившаяся после смерти диктатора в ноябре 1975 г., казалось, не располагала к решительным действиям по политической демократизации общества. Франкизм пережил своего основателя. Бюрократический аппарат продолжал функционировать, армия сохраняла нейтралитет, спецслужбы не проявляли признаков неподчинения власти. Смерть Франко отнюдь не вызвала всеобщего ликования.

Либерально настроенный король Хуан Карлос I, сменив Франко на посту главы государства, вопреки распространенным представлениям, первоначально не был «суперцентром», направлявшим страну к демократии. В обществе его воспринимали как последователя каудильо, он был лишен демократической легитимности, его окружали правоверные франкисты, занимавшие ключевые посты в государстве, Таким образом, коридор возможностей для короля был весьма узким. Преобразование франкистского режима изнутри, к которому стремился Хуан Карлос, представляло собой рискованный эксперимент с совершенно неясным исходом.

Первое постфранкистское правительство возглавил ближайший сподвижник каудильо К. Ариас-Наварро, решительный противник реформ, стремившийся сохранить режим под слегка подновленной вывеской. В это время решающее слово сказала «улица». После смерти Франко в Испании начался невиданный подъем массового рабочего и демократического движения. В 1976 г. в забастовках участвовало более 3600 тыс. человек – почти ½ работающих по найму. В отдельные дни бастовали сотни тысяч рабочих и служащих, требовавших демократических преобразований и улучшения своего социально-экономического положения. Массовый нажим снизу подтолкнул короля к решительным действиям, выразившимся прежде всего в смещении с ряда ключевых постов ортодоксальных франкистов и назначении своих сторонников Главным из этих назначений стала передача поста главы правительства Адольфо Суаресу (июль 1976 г.).

Правительство Суареса, возглавлявшего правоцентристскую коалицию Союз демократического центра (СДЦ), решительно встало на путь демократической модернизации. За короткий срок в Испании была сломана политическая система франкизма и создана система представительной демократии. В 1978 г. на референдуме была одобрена демократическая конституция, юридически похоронившая франкизм как политическую систему и ознаменовавшая переход Испании к социально-правовому государству. Таким образом, за три года, прошедшие после смерти Франко, в Испании произошел впечатляющий демократический модернизационный скачок. Подчеркну, что демократический транзит проходил не только в условиях ожесточенного сопротивления франкистов и правоконсервативных сил, но и в обстановке экономического кризиса (он начался в 1974 г.), пришедшего на смену буму предшествующих лет и сопровождавшегося бурным ростом безработицы и инфляции, дефицитом торгового и платежного баланса, внешней задолженностью. Многие испанцы, не понаслышке знавшие о расколе общества на правых и левых, кровопролитной братоубийственной гражданской войне 30-х годов и последующих жестокостях франкистской диктатуры, восприняли быстрый и ненасильственный переход от франкизма к представительной демократии как «чудо».

Почему стало возможным это «чудо»? Иными словами, что обеспечило весьма органичное перерастание авторитарной модернизации в демократическую?

Назову три, на мой взгляд, важнейших фактора, которые обеспечили успех демократического транзита в Испании, – эффективность политических элит и лидеров, достижение национального примирения и, соответственно, формирование национального консенсуса и существование механизмов перехода к демократии в испанском законодательстве.

Эффективность политических элит и лидеров. На постфранкистском этапе в испанской политической элите произошла перегруппировка сил: на авансцену выдвинулась фракция политических деятелей, чутко ощущавших, что нужно стране, и сумевших добиться своих целей. Консерваторы и ретрограды были либо вытеснены из большой политики, либо остались в ней на заднем плане. У значительной части франкистов произошла глубокая переоценка ценностей. Вчерашние сторонники каудильо, легализовав левые партии и профсоюзы, обеспечив проведение выборов в демократические и местные органы власти, предоставив автономию национальным областям, приняли многие ценности побежденных в гражданской войне, согласились с теми требованиями, из-за неприятия которых правые силы когда-то с оружием в руках сражались против республики. Не менее интересна эволюция в рядах левых сил, влиятельных социалистической и коммунистической партий. Обе они также обнаружили способность к компромиссу – своим отказом от «возмездия», и «реванша», от требования привлечь к ответственности лиц, виновных в репрессиях франкистского режима. Антимонархисты по убеждению признали монархию.

Особо отмечу трех политических лидеров, сыгравших определяющую роль в демократическом модернизационном рывке Испании: уже упоминавшегося короля Хуана Карлоса и председателя правительства Адольфо Суареса, а также лидера испанской компартии Сантьяго Каррильо.

Направляющая роль монархии, пожалуй, самая оригинальная особенность испанского транзита к демократии. Своими практическими действиями Хуан Карлос завоевал демократическую легитимность и доказал свое право стать «суперцентром» политической жизни Испании. Король не принимал в ней непосредственного участия. Но, оставаясь за кулисами, он санкционировал переход от франкизма к демократии. Будучи официальным преемником Франко, Хуан Карлос приобрел легитимность в глазах франкистского генералитета и высшей бюрократии (что не исключало отчаянного сопротивления демократизации части ультраправых). Король превратился в олицетворение преемственности и получил возможность двигаться по пути демократических перемен, не вступая в конфронтацию с силами «вчерашнего дня». В целом Хуан Карлос придерживался концепции, в соответствии с которой монарх воплощает в своем лице суверенитет народа и выступает в качестве гаранта интересов всей нации. Он встречался с представителями армии, ведущих партий, деятелями литературы и искусства, устраивал приемы, на которые приглашались лица как правых, так и левых убеждений. Как бы стоявший «над схваткой», король стал своего рода арбитром, примирявшим разнородные социальные интересы и обеспечивавшим упорядоченное продвижение Испании к демократии.

Трудно переоценить роль в проведении реформ председателя правительства Испании А. Суареса. Взяв курс на демократизацию политической системы, бывший франкистский чиновник проявил политическое мужество и широту мышления. Он сумел внутренне перестроиться, отречься от догм, казавшихся незыблемыми. Суарес необычайно искусно проложил дорогу к демократии, нейтрализовав сопротивление мощного блока правых и ультраправых сил, в лучшем случае соглашавшихся лишь на косметические изменения франкистской государственности.

Огромное значение для успеха реформационного проекта, осуществлявшегося королем и Суаресом, имела поддержка компартии Испании, возглавлявшейся С. Каррильо. КПИ, сыгравшая большую роль в расшатывании франкистской диктатуры и пользовавшаяся большим влиянием в массах, могла серьезно повлиять на ход и результаты демократизации. Среди коммунистов было немало тех, кто отказался поддерживать политику короля и Суареса, считая их «неофранкистами». Однако Каррильо и многие другие руководители компартии заняли иную позицию. Они сдвинулись к умеренности, встав на путь пересмотра традиционных догм. При всем политическом мастерстве правящего класса путь Испании к демократии мог оказаться намного сложнее, если бы его курс не нашел поддержки у руководства КПИ.

Испанский опыт подтверждает мысль, высказанную в докладе «Россия XXI века: образ желаемого завтра»: «Демократия исторически вводилась не идейными либералами, а дальновидными политиками разных политических взглядов» (Институт современного развития, 2010).

Национальное согласие. Во второй половине 70-х годов в Испании впервые в истории было достигнуто национальное примирение. На его основе сформировалось демократическое по характеру национальное согласие. Еще несколько десятилетий назад здесь было немало взаимной нетерпимости. Через историю Испании проходит глубокий раскол между традиционалистами и сторонниками модернизации. Столкновения двух противоположных лагерей приобретали характер острейших общественных конфликтов. Такой сшибкой стала, например, гражданская война 1936-1939 г. г., в ходе которой репрессии, убийства, месть и ненависть захлестнули страну. В 40-е годы, да и в последующие десятилетия, франкистская пропаганда настойчиво насаждала образ врага, ополчаясь, прежде всего, против коммунистов. И в левом лагере было немало людей, жаждавших реванша за поражение в гражданской войне.

Демократический консенсус в Испании был достигнут благодаря глубокой переоценке ценностей как франкистами, так и антифранкистами, о которой уже говорилось. Национальное согласие между правыми и левыми элитами на определенное время (октябрь 1977 г. – декабрь 1978 г.) «материализовалось» в «пактах Монклоа». Все их участники продемонстрировали способность к добровольному самоограничению во имя достижения общенациональных целей. Самый поучительный момент состоял, пожалуй, в том, что франкист-«обновленец» Адольфо Суарес и руководитель коммунистов Сантьяго Каррильо пошли навстречу друг другу, заключив соглашение во дворце Монклоа. Оба эти лидера поднялись над узкопартийными амбициями, преодолевая непонимание и сопротивление части собственных сторонников.

Знаменательно, что правые и левые отказались от логики «зло за зло» и сотрудничали в рамках так называемого негласного «пакта забвения», составляющего один из важнейших компонентов испанского опыта демократизации. Значительная часть правых «поступилась принципами», отказавшись от создания «образа врага» в лице левых сил. А жертвы репрессий, дабы предотвратить кровопролитие, отказались от намерения мстить и сводить счеты; в стране не разжигалась антифранкистская истерия.

Подчеркну, что на позиции ведущих партий и их лидеров повлияло состояние массового сознания. К решительному разрыву с франкизмом и последующим глубоким демократическим преобразованиям было готово лишь меньшинство испанцев. Взгляды большинства отличались умеренностью и осторожностью. Многие, как и в годы франкизма, продолжали находиться вне политики, воспринимая демонтаж диктатуры как неясный по своим перспективам процесс, способный

нарушить спокойствие. Их неприязненное отношение к возможным радикальным экспериментам определялось опасениями потерять в условиях начавшегося хозяйственного спада блага, приобретенные в предшествующий период экономического бума, сохранившимися в массовом сознании воспоминаниями об ужасах гражданской войны и страхом перед возможностью открытого выступления ультраправых.

Механизм перехода к демократии в испанском законодательстве. Хочу обратить внимание еще на один важный, правовой момент, отчасти объясняющий мирный характер испанского транзита. Франко и его окружение были «законниками» - они строго соблюдали принятые ими правовые акты и правила игры. Между тем во франкистском законодательстве был заложен механизм пересмотра существующего правопорядка. В законе «О наследовании поста главы государства» говорилось: «Для того, чтобы отменить или изменить Основной закон, требуется, помимо согласия кортесов, народный референдум». И в дальнейшем франкистские кортесы, в соответствии с этим положением, одобрили закон о политической реформе (предусматривавший, в частности, суверенитет народа и избрание двухпалатного парламента на основе всеобщего, прямого и тайного голосования), открыв стране дорогу к демократии. По сути, под давлением демократических сил они совершили политическое харакери, но ни на йоту не отступили от действовавших законов.

Таким образом, в Испании 70-х годов сложилось редкое в истории совпадение многих объективных и субъективных обстоятельств, благоприятное для быстрого и ненасильственного перехода от авторитаризма к демократии, демократического модернизационного скачка. Можно согласиться с оценкой способа ликвидации фракистской диктатуры, которая преобладает в испанской политологии и описывается понятием «согласованный разрыв». Правительство Суареса контролировало процесс перехода к демократии, определяло правила игры, но делало это, учитывая часть требований левой оппозиции. Попутно замечу, что левые партии, встав на путь консенсуса с СДЦ, фактически взяли на себя ответственность за проводимую им политику и отложили на время задачи социального переустройства общества. В результате радикально настроенные слои населения оказались без левой альтернативы, что вызвало разочарование в рабочих организациях и отток тех, кто активно боролся с франкизмом.

При всех достижениях процесса демократической модернизации в Испании он отнюдь не был легким и безоблачным. Демократический процесс здесь прошел через множество рифов и подводных камней, препятствий и политических кризисов. Модернизационный скачок 1976-1978 г.г. не сделал демократизацию необратимой. Реформы правительства Суареса, за редким исключением, не затронули важнейших звеньев государственной машины: не была осуществлена чистка армии, полиции, аппарата управления. В результате буржуазно-консервативные силы сохранили мощную материальную базу, социальные позиции и влияние в испанском обществе. Кортесы, правительство и король сосуществовали с так называемыми фактическими или параллельными властями – финансовой олигархией, представителями верхов армии и католической церкви. С позицией этого блока сил не могли не считаться ни конституционные власти, ни любые другие партии и организации. Ультраправые в силовых структурах предприняли несколько попыток военных переворотов. На рубеже 80-х годов в условиях брожения реакционных кругов в армии, лавинообразного роста безработицы, разгула терроризма популярность Суареса и возглавляйся им правящей партии Союз демократического центра резко снизились. Массовым сознанием овладевали растерянность, страх перед настоящим и будущим, ощущение зыбкости и обратимости происходящего.

На мой взгляд, демократизация в Испании достигла рубежа необратимости только в середине 80-х годов. Консолидировали демократию уже другие исполнители - правительство Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). «Новые люди» - политики, стоявшие в оппозиции к франкистской диктатуре, оказались способны осуществить более серьезные и масштабные демократические преобразования, чем их предшественники. Проводя прагматически-стабилизационную политику, ИСРП заручилась поддержкой значительной части «низов» и «верхов» испанского общества, упрочила расшатанную общественную стабильность. Особенно существенно то, что ей удалось установить лояльные отношения с фактическими властями – патронатом, верхушкой армии и католической церкви. В результате этих перемен впервые с момента ухода с Франко с политической сцены у большинства населения исчез страх перед возможностью военного переворота, возникло ощущение необратимости демократизации. Улучшению социально-психологического климата в испанском обществе способствовал и начавшийся в середине 80-х годов экономический подъем, а также гораздо более тесная, чем прежде, интеграция с Западной Европой, в частности, вступление в 1986 г. в ЕС и НАТО. В Испании, таким образом, ликвидация авторитаризма и возрождение демократических структур, осуществленные СДЦ, не совпали по времени с консолидацией новой политической системы, происшедшей уже в годы правления ИСРП.

С высоты сегодняшнего дня современная испанская модернизация (если брать за ее исходный пункт валютно-финансовый кризис 1957-1958 гг.) предстает как процесс, поначалу состоявший из двух скачков: первый - авторитарный модернизационный скачок произошел в годы позднего франкизма, второй – демократический – во второй половине 70-х годов. Первый органично перерос во второй. Первый скачок носил преимущественно социально-экономический характер, хотя в нем присутствовала и политическая составляющая - либерализация франкистского режима. Социально-экономическая и политическая компонента шли рука об руку, стимулируя друг друга. В демократическом модернизационном скачке преобладала политическая составляющая, но присутствовала и социально-экономическая компонента, выражавшаяся в ограничении государственно-бюрократического администрирования, определенной либерализации экономики. После второго модернизационного рывка широкомасштабная демократическая модернизация в Испании развивается довольно плавно, охватывая все сферы жизни общества – в разные периоды с различной степенью глубины и интенсивности.

Мерилом успеха перехода к демократии в Испании стало создание сообщества свободных индивидов. Цитируя уже упоминавшийся доклад «Россия XXI века: образ желаемого будущего», можно сказать, что модель «граждане на службе у государства» сменилась здесь принципом «государство, обслуживающее граждан».

Вместе с тем Испания интегрировалась в сообщество западных демократий, сохранив национально-историческую специфику. Элементы традиционного «авторитарного комплекса» так или иначе, продолжают жить в массовом сознании. Некоторые партии, профсоюзы и организации – как правые, так и левые, остаются в плену традиционных – патерналистских и каудильистских представлений о власти, веками складывавшихся в стране. Положение в них характеризуется господством правящей верхушки, бюрократизацией аппарата, пассивностью рядовых членов, отстраненных от принятия решений.

Проблема отчуждения масс от партийно-политической активности, типичная для всех стран Запада, проявляется в Испании с особой остротой. И это также наследие авторитарной политической культуры. Согласно различным социологическим

обследованиям, степень вовлеченности населения в партии и профсоюзы здесь одна из самых низких в Западной Европе.

X X X

Основываясь на опыте Испании, можно сделать ряд выводов, имеющих широкий характер.

1. Авторитарная модернизация может быть многоликой, различаться по степени глубины и масштабности, условиям и пределам эффективности.
2. Авторитарная модернизация перерастает в демократическую не автоматически, а лишь при наличии соответствующей политической воли в элите и обществе.
3. Перед испанской политической элитой не стоял выбор о резком или плавном переходе к демократии. Такой выбор стоял только перед левой оппозицией, которая решила его в пользу плавных действий. «В верхах» же выбор делался между сохранением франкистского статус-кво (вариант: с небольшими изменениями) или плавной демократизацией.
4. В ходе модернизационных скачков в правящей элите Испании происходила постоянная перегруппировка сил, сменили друг друга три различных политических семьи. Авторитарный модернизационный скачок осуществили франкисты-технократы, демократическую модернизацию начали франкисты-обновленцы, а придали ей необратимый характер социалисты, стоявшие в оппозиции к авторитарному режиму.
5. Многие традиции в Испании вписались в демократическую реальность, стали составной частью новой государственности. И относиться по крайней мере к части их следует не как к препятствию на пути модернизации, а как к фактору, составляющему самую суть национальной специфики, национальной самобытности.

Володин А.Г.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНДИИ: «ПОСТЕПЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?

«Постепенная революция» - это образ описания траектории модернизации Индии, предложенный американской исследовательницей Франсин Франкел³ применительно к периоду независимости. На первый взгляд, этот образ парадоксален, поскольку всякая революция – это максимально уплотненное историческое время, вмещающее глубокие общественные преобразования, осуществляемые к тому же в форсированном режиме. Однако Индия предлагает нам такую модель преобразований, которые, имея поступательный характер, модернизируют общество поэтапно, постепенно трансформируя социальную структуру общества и его основные институты. Модернизация Индии (или «реформа» с заглавной буквы, как называл этот процесс Л.И. Рейснер) имеет, на мой взгляд, *четыре* принципиально важных аспекта.

1. *Соотношение начал авторитаризма и демократии* в процессе преобразования общества. Здесь, по-моему, стоит вспомнить выдвинутый Н.А. Симонией в начале 80-х годов концепт «авторитарного парламентаризма», который был распространен и на такие сложившиеся политические системы, как индийская. Думаю, сейчас нам необходимо *новое* прочтение данной идеи.

³ - Frankel F.R. India's Political Economy, 1947 – 2004. The Gradual Revolution (Second Edition). New Delhi: Oxford University Press, 2005. – 819 pp.

Постепенность развития Запада создает впечатление об изначальной демократичности западноевропейского культурного пространства тогда как модернизирующийся в форсированном временном режиме и безальтернативном миро-политическом контексте Восток заведомо рассматривался как «нелиберальный» (т.е. недемократический) проект. В то же время в Индии к 1947 г., по моим приблизительным оценкам (возможно, завышенным), лишь $\frac{1}{4}$ взрослого населения страны оказалась подверженной процессам современной политической социализации, т.е. готовой к участию в массовой политике.

Стоит учитывать и то, что княжества, интегрированные в структуры государства, далеко не всегда были носителями демократических ценностей, уже в силу своей культурной отсталости.

Таким образом, наиболее организованные в социальном отношении слои имели возможность манипулировать политической активностью массовых слоев населения как через внутрикастовую иерархическую организацию (в деревне), так и посредством привлечения в элиту верхней прослойки массовых слоев населения, т.е. «нижних» сегментов традиционного иерархически организованного общества. В этом смысле термин «авторитарный парламентаризм», особенно для начального этапа политического развития Индии, выглядит вполне корректным. Однако для оценки качественного состояния («открытой») политической системы Индии концептуально значимы *логика* и *этапность* развития.

2. Основные этапы эволюции политической системы.

В период независимости под воздействием как логики *открытого* политического процесса, так и модернизирующего влияния самой власти на общество механизмы политической социализации постепенно подчиняют законам своего развития все индийское общество. Позволю себе выделить *три* этапа в развертывании этого процесса:

1). Вторая половина 60-х – первая половина 70-х годов характеризовалась превращением средних и мелких предпринимателей (представленных в основном средними кастами) в субъектов политического процесса, что значительно усложнило достижение социального компромисса между различными силами общества и потребовало постоянной корректировки *тактической* линии правящих кругов страны; этот период, в силу указанных причин, характеризовался политической нестабильностью, следствием которой стало введение чрезвычайного положения в Индии в конце июня 1975 г.;

2). Вторая половина 80-х годов была отмечена начавшимся политическим самоутверждением (через как общенациональные, так и региональные партии) социальных «низов» индийского общества; сущностью этого периода были поиски оптимальной социально-экономической стратегии, способной совместить императивы развития и интересы «пробуждающихся» массовых слоев населения. Поэтому данный период социально-экономического экспериментирования характеризовался частой сменой правительств в Дели; эти поиски, видимо, были подытожены экономической реформой 1991 г. («реформа Манмохана Сингха»);

3). Начало XXI века – это политическое пробуждение «остальных», т.е. наименее социально и интеллектуально развитых слоев индийского населения (включая индийских мусульман, «неприкасаемых», представителей «племен» и т.д.); этот процесс четко зафиксировали парламентские выборы 2004 и 2009 гг. – с непредсказуемостью их результатов, многовариантностью политических союзов и траекторий эволюции партийной системы Индии и т.п.

3. *Нынешнее состояние* политической системы Индии в конечном счете определяется *фундаментальным* противоречием между энергичным экономическим ростом (на который лишь в ограниченных масштабах повлиял текущий мировой

кризис) и необходимостью интегрировать многомиллионные массы уже политизированного населения в процесс *развития*, т.е. проще говоря, обеспечить не только высокие темпы экономического роста, но и максимально возможную занятость и относительно равномерное распределение национального дохода («growth with equity», как говорят индийские экономисты). От решения этой задачи в конечном счете зависит и судьба модернизации, и будущее политической системы страны.

4. Роль «субъективного фактора» в процессах модернизации.

Целесообразно сопоставить стиль политического руководства трех премьер-министров страны – Дж.Неру, Индиры Ганди и Манмохана Сингха. Объединяющий фактор их подхода к индийскому обществу – императив развития в единстве трех основных ипостасей, о чем уже говорилось выше, тогда как различия их политического «почерка» проявились в трактовке и качестве решаемых ими задач.

Главной задачей – целью Дж.Неру было предотвращение социально-экономической поляризации в обществе и придание необратимости процессам политической демократизации. Для достижения этих целей индийская политическая элита сознательно пошла на «подмораживание» экономического роста (в чем Дж.Неру упрекали некоторые экономисты – «рыночники»), тем самым выбрав стратегию «управляемого» развития. Ретроспективно мы можем утверждать: это был единственно возможный политический выбор, уберегший Индию от политических катаклизмов иранского типа (конца 70-х годов).

«Социалистические» меры правительства И.Ганди (в частности, национализация в 1969 г. 14 крупнейших частных банков) преследовали сугубо практические цели, и прежде всего *включение* в политическую систему (за счет институционализированной экономической поддержки государства) низших и средних предпринимательских групп, т.е. наиболее массовой части формировавшегося буржуазного класса. Результатом этих мер, несмотря на крайности чрезвычайного положения, стало придание политической системе большей пластичности, а индийскому обществу – большей предсказуемости и стабильности.

М.Сингх и его коллеги решают принципиально иные – и не менее сложные – задачи. Этих задач, на мой взгляд, три: во-первых, ускорение экономического роста до двузначных показателей (10-11% в годовом исчислении), в т.ч. под влиянием «китайского фактора» (энергичный экономический рост с перспективой «геополитической экспансии»); во-вторых, укрепление на новой политэкономической основе (уплотнение горизонтальных связей между штатами и союзными территориями) единства и территориальной целостности Индии (т.е. продолжение реформы 1991 г.); в-третьих, поступательная интеграция в экономическую и политическую систему низших слоев «традиционного» индийского общества («неприкасаемых», мусульман, представителей «племен» и т.д.). Власти хорошо понимают: от успешного решения этой *триединой* задачи напрямую зависит судьба всего «модернизационного проекта» Индии.

Индийский опыт модернизации уникален в том смысле, что он отражает стремление многонационального и поликонфессионального общества к системной трансформации при обязательном сохранении системы политического представительства и участия всех социальных сил в созидании современной Индии.

Перегудов С.П.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОПЫТ БРИТАНИИ

Процесс политической модернизации в условиях информационного общества обретает исключительно сложный, противоречивый характер. Он захватывает практически все страны и регионы, включая и регионы «зрелой», западной демократии. Причем захватывает настолько, что некоторые аналитики заговорили о «пост-Вестминстерской форме демократии». Иначе говоря, классический образец демократии, каковой являлась и в какой-то мере до сих пор является британская или «Вестминстерская» модель, утрачивает свою роль «эталона», на который ориентируются другие страны, находящиеся в процессе демократизации. Сам же этот процесс из односторонне «догоняющего» превращается в универсальный, происходящий с той или иной степенью интенсивности одновременно в большинстве стран мира. Больше того, существенно меняется роль и характер представительной демократии вообще, она испытывает серьезные трудности, и если ее кризис не привел к общему кризису политических систем, то это в значительной мере потому, что ей на «помощь» приходит новая, более современная форма демократии. Известный британский исследователь процессов демократизации, основавший в 1989 г. в Лондоне Центр по изучению демократии профессор Джон Кин (John Keane) назвал ее «мониторной». Высказанные мною только что соображения о «поствестминстерской демократии» и о модернизирующей ее «мониторной демократии» - это тезисы из его книги «Жизнь и смерть демократии».⁴ Книга эта представляется мне настолько важной и даже «рубежной», т.е. выводящей на новый, более высокий уровень дискуссии о путях политического развития и отдельных стран, и мира в целом, что я не могу не сказать хотя бы несколько слов и о самой этой книге, и о ее авторе.

Возглавляя упомянутый Центр, Джон Кин опубликовал более десятка книг, посвященных ключевым проблемам современного политического развития. Среди них: «Глобальное гражданское общество?» (2003); «Гражданское общество и государство» (2000); «Демократия и гражданское общество» (1998); «Меняющаяся природа демократии» (1998); «Медиа и демократия» (1991).

Некоторые из этих книг переведены на десятки языков, но, к сожалению, не на русский.

Книга, о которой здесь идет речь – это его последний фундаментальный труд, в котором Дж.Кин прослеживает развитие демократии и ее различных форм и институтов начиная с древних времен и кончая современностью. Его вклад в изучение демократии высоко оценен мировым научным сообществом. На сайте его книги в Интернете⁵ можно ознакомиться с полным списком его трудов, научной карьерой, с откликами известных ученых на его труды. Судя по тем откликам, которые уже получила его последняя книга и по той дискуссии, которая вокруг нее начинает разворачиваться, дискуссия эта обещает быть более плодотворной и содержательной, чем дискуссия вокруг книги Ф. Фукуямы «Конец истории». В отличие от Фукуямы Джон Кин не ставит точку на развитии демократии, а скорее обозначает тот новый поворот, в который она начала вписываться.

Я мог бы сказать еще много слов по поводу автора, одну из работ которого я некоторое время тому назад рецензировал и потом неоднократно цитировал.⁶ Считаю, однако, что уже сказанного достаточно, чтобы привлечь внимание к этому, прямо скажу неординарному исследованию. Хотя этой книги в России, насколько я знаю, пока нет, есть возможность ознакомиться с ее основными положениями на том сайте, о которой я только что упомянул. Там представлены не только выходные

⁴ John Keane. The Life and Death of Democracy. L., 2009.

⁵ www.the-life-and-death-of-democracy.org.

⁶ С.П.Перегудов. Глобализация снизу: мифы и реальность. – «Pro et-Contra», №4, 2002.

данные книги и ее оглавление, но и введение на 14 убогих страницах, которое, по сути, является кратким резюме основного содержания.

На упомянутом мною сайте есть рубрика "video", войдя в которую можно прослушать и просмотреть несколько его лекций, последняя из которых так и называется – «Монетарная демократия». Должен сказать, что это весьма впечатляющая лекция, и я советовал бы даже тем, кто далек от этой проблематики, послушать и посмотреть эту, с моей точки зрения, неординарную запись. Полагаю, что Институт озаботится тем, чтобы 2-3 экз. Книги пополнили фонд нашей библиотеки.

Прежде чем перейти к непосредственной теме моего выступления. Я хочу упомянуть об одном, на мой взгляд, ключевом положении книги Дж.Кина, от которого я хотел бы «оттолкнуться». Я имею в виду положение о «мутации» (permutation), которой, как он пишет, почти на протяжении поколения подвергаются основные институты представительной демократии.

Собственно об этой «мутации», т.е. о процессе внедрения «мониторной демократии» в механизмы представительной демократии в Великобритании я и хотел бы, опять же очень коротко сказать. Как известно, в мае месяце, точнее – 6 мая в этой стране состоятся всеобщие парламентские выборы, и поскольку до них остается чуть больше месяца, уже в самом разгаре предвыборная кампания. А это значит, что страна вступила в тот этап функционирования представительной демократии, который с полным на то основании можно назвать кульминационным. Соответственно, начинают с особой яркостью и наглядностью высвечиваться те изменения, которые претерпевает «Вестминстерская модель», и те новации, которые выражаясь словами Кина, ее «мутируют».

На основании той информации и тех материалов, которые отслеживаются, в основном, по Интернету, хотел бы поделиться своим впечатлением об этой кампании и о тех формах упомянутой мутации, которая происходит на глазах.

Учитывая ограниченность времени, хотел бы остановиться всего на двух моментах, которые отличают нынешнюю кампанию от всех предыдущих и подтверждают упомянутый тезис о поствестминстерской демократии».

Первый момент связан со смещением избирательной кампании с традиционно «парламентской» на «президентскую». Впервые за всю историю страны между лидерами партий планируются прямые теледебаты, причем не в один, а в целых три тура. В преддверии теледебатов Джон Браун и Дэвид Камерон заключили соглашение с американскими советниками из бывшей команды Б. Обамы о том, что они будут консультировать их в ходе подготовки к дебатам и в промежутках между ними, и эти консультации уже начались. В теледебатах будет участвовать и лидер партии Либеральных демократов Ник Клегг, и это, конечно, неспроста. Не исключено, что в результате выборов эта партия получит возможность либо войти в коалиционное правительство, либо оказывать прямое влияние на политику сформированного по результатам выборов правительства парламентского меньшинства.

Хотя теледебаты – это лишь наиболее очевидный показатель «поствестминстерского» характера избирательной кампании, суть «мониторизации» предвыборной кампании заключается отнюдь не в этом, «персоналистком» ее характере и не в факте «американизации» политического процесса, а в том формате, в котором это происходит.

Напомню, что само слово «мониторинг» означает, согласно Большому толковому словарю русского языка, опубликованному в 2008 г., «систематическое наблюдение за каким-либо процессом с целью выявления соответствия или несоответствия его результатов первоначальным предположениям».

Ключевое слово здесь наблюдение, причем не просто ради любопытства, а ради выявления того, насколько наблюдаемый объект или субъект соответствует ожиданиям тех, кто это наблюдение осуществляет. В интерпретации Джона Кина, и с этим можно только согласиться, мониторинг – наблюдение предполагает активную роль наблюдателя, своего рода контроль, проверку (“scrutiny”), причем опять-таки не ради простого интереса, а с целью повлиять на процесс и тех, кто его направляет, в желательном для наблюдателя направлении. Именно эта, активная роль мониторинга и его многочисленных форм и позволяет Кину назвать его одной из наиболее важных и эффективных форм современной демократии. Ход предвыборной кампании в Великобритании позволяет наглядно увидеть, как это происходит. Я бы обозначил здесь два этапа указанного процесса. Первый реализуется в ходе предвыборной кампании, второй – в ходе самих выборов.

Что касается первого этапа, то есть предвыборной кампании, то упомянутые теледебаты лидеров – это лишь своего рода верхушка айсберга, причем айсберга не «подводного», а «надводного», ибо словесная дуэль между партийными лидерами идет уже в течение нескольких месяцев как в виде «сольных» выступлений перед различными аудиториями, так и в прямых дискуссиях, как это, к примеру, происходит во время регулярных ответов премьер-министра на вопросы парламентариев.

Активно участвуют в упомянутых дискуссиях и ведущие министры, и теневые министры, и прежде всего – ответственные за политику в области экономики и финансов, социальных услуг, внутренней и внешней политики. Согласно достигнутой договоренности три пары ключевых министров и теневых министров (финансов, обороны, социальной политики) проведут в апреле, также впервые за всю историю страны, по одному туру теледебатов.

Если, однако, говорить о мониторинге, то это не столько сами по себе дебаты и теледебаты, которые транслируются на все общество, т.е. мониторинг «сверху», сколько реакция избирателей, в основном через Интернет, которую эти дебаты уже начали вызывать и которая по мере приближения даты выборов становится все более интенсивной.

В данной связи хотел бы отметить ту весьма примечательную эволюцию, которую претерпевают печатные СМИ и их роль в процессе общения власти и общества. По сути дела произошло их слияние с Интернетом, где они не просто копируются, а подаются в версии “online”.

Из пяти изданий, которые я сейчас регулярно просматриваю через Интернет, наиболее далеко в этом плане продвинулась газета «Гардиан», точнее – “Guardian Online”. Поясню это на примере тех же выступлений лидеров, как они позиционируются в этой газете. Практически все они, перед какими бы аудиториями ни произносились, тут же, чаще всего в режиме «online» выводятся на сайты газеты. В результате пользователь Интернета получает возможность практически одновременно прочитывать эти выступления или выдержки из них.

Но самое интересное, однако, не в этом «мониторинге «сверху», а в том, становящемся все более интенсивном мониторинге «снизу», со стороны «пользователя» Интернета, т.е. электората, который здесь же публикуется. Делается это преимущественно в форме комментариев, которые тут же, в том же режиме online появляются на сайте. Обычно число таких комментариев исчисляется сотнями. И в результате выходящий на сайт избиратель (а Интернетом пользуется до 80% семей) имеет возможность не только высказать свое мнение, но и ознакомиться с большим количеством мнений своих сограждан, причем как рядовых, так и квалифицированных профессионалов. Должен сказать, что читать эти комментарии порой не менее интересно, чем сами речи, статьи, вопросы и реплики, которые исходят от оппонентов в ходе предвыборных мероприятий.

Из выступлений последнего времени особый интерес читательской аудитории вызвали ответы премьер-министра на вопросы независимой следственной комиссии, специально созданной для выяснения обстоятельств вступления Британии в войну в Ираке и той роли, которую играли в принятии решений высшие должностные лица страны. Где-то месяц-полтора тому назад перед комиссией выступил Тони Блэр, и судя по комментариям – не очень удачно. Примерно две недели назад комиссия заслушала показания Гордона Брауна, который в момент начала войны занимал пост министра финансов и как фактически второе лицо в правительстве участвовал в принятии ключевых решений. Через его департамент шло и финансирование операции. Судя по откликам и комментаторов, и зрителей, Браун выступил более удачно, чем Блэр, хотя он, как и бывший премьер-министр, стоял на том, что решение об участии во вторжении было правильным, и не отрицал своей роли в принятии решений.

И содержание ответов Брауна, и ряд статей в британской прессе вызвали огромный поток самых разноречивых комментариев и «блогов», по сути дела это было публичное, демократическое обсуждение одного из наиболее важных событий в британской истории за последнее десятилетие. Причем через несколько дней после дачи им показаний Браун вынужден был внести некоторые коррективы в эти показания.

Приведенные мною примеры – лишь очень малая часть того «мониторинга», который изо дня в день идет в ходе предвыборной кампании. Комментируются и обсуждаются не только выступления лидеров, но и министров и теневых министров, практически все основные статьи ведущих комментаторов и журналистов, в той или иной мере связанные с политикой правительства, планами оппозиции.

Важной частью этого мониторинга «снизу» являются «блоговые» полосы газет, которые в некоторых случаях занимают до 1/3 их информационно-аналитических полос. Причем это не только сами «блоги», но и, опять-таки, многочисленные комментарии к ним.

В результате практически все наиболее существенные вопросы социально-экономической, внутренней и внешней политики становятся предметом такого обсуждения. По мере приближения даты выборов это обсуждение, или «встречный мониторинг» обретает все более острый характер, в него вовлекается все большее число людей.

По своей сути – это прямой диалог избирателя с теми, кому они отдают свои голоса, причем диалог, оказывающий зачастую непосредственное воздействие на позиции руководства, правительства и оппозиционные партии. Достаточно сопоставить различной давности заявления лидеров трех партий по таким острым проблемам, как проблема бюджетного дефицита и путей его сокращения, налоговой политики и политики в сфере социальных услуг, чтобы убедиться в постоянно идущей коррекции первоначальных позиций. Весьма примечательно, что при нарастающей остроте дебатов реальные позиции партий имеют тенденцию не к расхождению, а скорее к сближению, и в этом – одна из причин того «персоноцентричного» характера предвыборных баталий, которые там разворачиваются. По сути дела вся компания концентрируется преимущественно вокруг двух ее главных фигур – Брауна и Камерона, причем отнюдь не в комплиментарном для обоих ключе. Как писал известный общественный деятель Уильям Рис-Мог в газете «Таймс», «Я не могу вспомнить выборов, в которых негативный имидж каждого из партийных лидеров играл бы столь важную роль...никогда еще в истории страны настроения электората не определялись в

такой большой степени имиджем партийных лидеров, как в нынешней избирательной кампании».⁷

Впрочем, тенденция эта характерна не только для Британии, с возрастанием роли телевидения она наблюдается почти повсеместно, хотя и во многом по-разному.

Именно с телевидением во многом связано появление и широкое распространение такого феномена как «берлусконизм», глубокий и обстоятельный анализ которого дал в своей последней статье недавно скончавшийся наш коллега Илья Левин.⁸

В связи со статьей Ильи Борисовича хотел бы сделать небольшое отступление. Как следует из названия этой статьи и из ее содержания, автор рассматривает «берлусконизм» и связанные с ним явления как угрозу демократии, причем не какую-то отдаленную, а вполне реальную, сегодняшнего дня. И он, конечно же, не один в своем пессимизме. Напомню, что книга Джона Кина называется «Жизнь и смерть демократии», и в том введении, о котором я говорил вначале, он довольно подробно останавливается на том негативе, который сопровождает ее развитие. Как пишет он на с.12, введения «демократическому тренду противостоят контр-тренды», и он их перечисляет, заявляя, что т.н. триумф демократии может обернуться «костром на льду». Существуют, пишет он, «черные дыры», в которые может провалиться демократия, и среди них «видеократия» и «телепопулизм», наблюдаемые в Италии и Франции.

Будучи, однако, скорее оптимистом, Кин исходит из того, что продолжение демократии как «особой формы жизни» (way of life) требует, чтобы она менялась, преодолевая те вызовы и риски, с которыми она сталкивается. Его оптимизм, в частности, основывается на том развитии, которое претерпевает демократия в развивающихся странах и, в частности, в Индии, и которому он придает столь большое значение, что останавливается на основных ее особенностях даже в кратком введении к книге. Эта страна, пишет он, демонстрирует, что демократизация и тоталитаризм не были и не являются «политически необходимыми, как многие думали в свое время».

Вернусь, однако, к британским выборам и той «мониторной демократии», которая там вырисовывается.

Здесь также далеко не все «чисто» и идеально, и некоторые из оживленно обсуждаемых тем и сюжетов (например, включение в качестве кандидата от либерал-демократов известной порнозвезды, участие в дебатах членов семей лидеров партий и оживленные толки вокруг их «откровений») приводят к отвлечению интересов избирателя от существенного, главного, и явно не способствуют рациональному выбору.

Все это вызывает растущую обеспокоенность серьезных обозревателей и многих политиков, однако повлиять на поведение «заинтересованных лиц» и СМИ они не в состоянии.

Хотел бы, однако, отметить, что в той персонификации выборов о которой только что говорилось, присутствует, с моей точки зрения, и один позитивный момент. В условиях, когда идеологические различия между партиями становятся все менее заметными и значительными и отходят на второй план, главным фактором, влияющим на выбор избирателя, становятся политические и профессиональные качества лидеров и их команды. А посему «персоноцентричный» характер предвыборной борьбы помогает избирателю оценить, насколько тот или иной партийный лидер и его «команда» способны как политики и как профессионалы

⁷ The Times Online, 1.03.2010

⁸ См. И.Б.Левин. В урнах – пепел демократии? – «Полития», №2, 2009, с.101-140

реализовать ту программу, и те обязательства, с которыми партия идет на выборы. И когда в прессе и в Интернете появляются статьи и материалы авторитетных экспертов, оценивающих личности кандидатов с этой точки зрения, а затем эти оценки уточняются и конкретизируются в статьях, блогах и комментариях теми, кто не понаслышке знает этих людей, избиратель оказывается в состоянии более адекватно оценить, отвечают те или иные кандидатуры и их лидеры тем высоким моральным и профессиональным требованиям, которым они должны соответствовать на высоких государственных постах.

В связи с тем что сказанным хотел бы привлечь внимание к еще одному, более конкретному виду мониторинга, который впервые начал практиковаться в ходе текущей предвыборной кампании. Я имею в виду созданные в преддверии выборов два Интернет-сообщества (online communities), объединяющие сотни обладающих заслуженной репутацией граждан с целью, как заявляют их руководители, «совместно мониторить» кандидатов в избирательных округах с тем, чтобы с помощью электронной почты выявлять их реальные позиции и ставить перед ними возникающие у избирателей вопросы. Цель – обеспечить прозрачность выборов, подотчетность кандидатов и стимулировать участие волонтеров в распространении листовок, фотографий и т.п. «малых делах».⁹

Как пишет «Гардиан», подобного рода формы предвыборной борьбы, в какой-то мере опробованные в ходе президентских выборов 2009 г. в США позволяют лишить политиков и СМИ монополии влияния на электорат, предоставляя последнему «неожиданную возможность влиять на ход кампании и ее результаты».

Я, конечно же, не собирался здесь дать полную картину того аспекта «мониторинговой демократии», который начинает практиковаться в ходе нынешней предвыборной борьбы и который так или иначе скажется на результатах самих выборов.

Моя задача состояла лишь в том, чтобы на конкретных примерах проиллюстрировать ту роль в политическом процессе и его модернизации, которую начинает играть феномен этого принципиально нового вида отношений общества и власти.

В кратком перечне видов «мониторинговой демократии», которые Джон Кин приводит во введении к своей книге (всего, согласно его исследованию, после второй мировой войны было задействовано около ста различных типов мониторингов власти), описанной мною вид (он называет его «блогинг и другие новые формы медийного контроля») занимает далеко не первое место. Но это отнюдь не значит, что данный феномен не заслуживает нашего самого серьезного внимания. И «блогинг», и медийный контроль в целом «мутируя» с представительной демократией способны существенно повлиять на ее качество и сделать ее более эффективной. Учитывая, мягко говоря, изъяны нашей представительной демократии, такого рода обогащение ее «инструментов» могло бы стать существенным фактором ее трансформации в полноценную, надлежащим образом выполняющую свои функции модель.

Общий вывод, который напрашивается как из всего сказанного выше, так и из нынешнего состояния политической системы в России, состоит в том, что существующие подходы к модернизации данной системы нуждаются в дальнейшем осмыслении и выходе и за те узкие рамки, в которых эта проблема сейчас обсуждается и разрабатывается.

⁹ Guardian Online, 17 March, 2010

ЧАСТЬ II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Сумский В.В.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Большинство участников конференции исходят из того, что модернизации являются благом для общества, не могут быть успешными без демократии и требуют тесного сотрудничества с государствами наиболее развитой зоны мира, т.е. со странами Запада. Все эти позиции являются спорными.

С. Хантингтон в опубликованной еще в 1968 г. книге «Политический порядок в меняющихся обществах», писал о связи модернизаций с коррупцией, насилием. Дело в том, что стабильными являются традиционные и современные, демократические общества. Переход от первого ко второму неизбежно сопряжен с длительным периодом нестабильности. При этом, чем быстрее идет процесс модернизации, тем острее проявляется нестабильность, порождающая стремление к «сильной руке», что подтверждается опытом многих стран Восточной Азии. В целом, можно утверждать, что модернизация требует авторитарного политического обеспечения. Демократизация возможна лишь на завершающем ее этапе.

Политический процесс в условиях демократии предполагает, что существующие интересы различных социальных слоев, групп элиты согласуются на основе компромисса. Государство не самостоятельно, оно обслуживает интересы гражданского общества. В переходном обществе социальная структура зыбкая, размытая, интересы еще не определились. В этих условиях государство приобретает автономность от общества, начинает диктовать ему свою волю.

Преобладание авторитаризма характерно для переходных эпох, но как раз в современном мире «переходный» тип развития преобладает. Одни страны осуществляют индустриальную модернизацию, другие пытаются сочетать ее с постиндустриальной. С учетом этого можно предположить, что в ближайшие десятилетия глобального торжества демократии не будет, мир как бы «зависнет» между авторитаризмом и демократией.

Сотрудничество модернизирующихся стран с государствами Запада в прошлом приносило определенные плоды, хотя и не всегда. Так, Филиппины имели очень тесные экономические связи с США, но в итоге эта страна стала наименее динамичной в АСЕАН, погрязла в коррупции.

В современных условиях, когда удельный вес развивающихся стран в мировой экономике скоро будет большим, чем у развитых, едва ли последние будут содействовать усилению своих конкурентов. Соответственно, можно усомниться в том, что сотрудничество с Западом сможет серьезно продвигать модернизацию на Юге и Востоке.

В целом, следует констатировать, что модернизация – процесс крайне противоречивый и не обязательно ведущий по дороге линейного прогресса. Сотрудничество модернизирующихся стран с государствами Запада, конечно, необходимо, но едва ли оно может стать определяющим фактором.

Загладин Н.В.

АВТОРИТАРИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

В ряде выступлений прозвучала мысль, что модернизация, в исторически короткие сроки меняющая жизнь людей и не всегда сразу к лучшему, вызывает сопротивление, подавление которого требует жесточайших мер авторитарного

характера. Действительно, в истории было немало примеров, когда начатые «сверху» модернизационные преобразования навязывались обществу, проводились с использованием насилия, принуждения, репрессий. Такими, в частности, были реформы Петра I, сталинская индустриализация и коллективизация.

Означает ли это существование закономерности, согласно которой любая модернизация требует, во всяком случае, на своем начальном этапе «жесткого» или, по крайней мере, «мягкого» авторитаризма? Такой вывод игнорировал бы многие грани исторического опыта, свидетельствующего, что в тех случаях, когда в обществе возникал консенсус относительно необходимости перемен, какие-либо принудительные меры не требовались.

В прошлом, возникновение такого консенсуса обуславливалось шоком, потрясением, в результате чего общество приходило к пониманию необходимости перемен. Чаще всего это было порождением внешних факторов, поражений в войне. Так для Японии исходным стимулом модернизации стало ее насильственное «открытие» эскадрой американского командора Перри в XIX веке. Модернизационный импульс, породивший японское «экономическое чудо», дало поражение Японии во второй мировой войне. Для России XIX века толчок к реформам дала неудачная для нее Крымская война, показавшая ее отставание в развитии военной техники, промышленности, средств транспорта от стран Запада.

На шок как на фактор, облегчающий модернизацию, обратила внимание канадский ученый Н. Кляйн в работе «Капитализм катастроф».¹⁰ По ее мнению, поскольку все общества, в том числе и западные, в условиях возросшего динамизма развития постоянно претерпевают модернизационные изменения, шок, порой вызываемый искусственно, стал неотъемлемой частью их жизни. Не случайно кампания против Ирака была названа «Шок и трепет». Ее целью было не уничтожение несуществующих арсеналов оружия массового поражения и даже не свержение режима С. Хусейна. Основная задача состояла в том, чтобы ввергнуть иракцев в ступор, растерянность, перестроить культурную матрицу их сознания и создать условия для перевода страны на путь демократического развития западного образца.

Методы «шока и трепета» не всегда оказываются эффективными, но если они позволяют обеспечить достаточно широкий консенсус сторонников модернизации или иных перемен, насилия, принуждения уже не надо, преобразования могут осуществляться и при демократии.

Здесь также уместно отметить, что большая часть примеров модернизаций, осуществлявшихся с использованием авторитарных методов, относится к переходам от традиционного общества к индустриальному. Основная проблема этих переходов состояла в том, что составлявшая большую часть населения масса крестьянства, малограмотного и, как правило, консервативно настроенного, будь то Великобритания XVII-XVIII веков, континентальная Европа XIX века или Азия XX века, вообще не желала никаких радикальных перемен. Вырвать эту массу из того, что К. Маркс в свое время называл «идиотизмом сельской жизни», заставить принять динамичный стиль жизни индустриальной эпохи можно было только самыми жесткими методами. В этом плане «огораживание» в Англии и система «рабочих домов» для пытавшихся спастись в городах от голода согнанных с земли крестьян, была ничуть не гуманней сталинской коллективизации и системы ГУЛАГа.

Но для нас, здесь и сейчас, интересны не проблемы модернизации вообще, а их экстраполяция на реалии современной России, где нет никакого «традиционного» общества, которое необходимо разрушить. Соответственно, примеры из прошлого едва ли могут дать материал для осмысления проблем нашей страны. Она уже

¹⁰ См. Н. Кляйн. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М., 2009.

давно вступила в фазу индустриального развития, интегрировалась в систему международного разделения труда. Другой вопрос, что занятое ею место – экспортера энергоресурсов и сырья, импортера аграрной и промышленной продукции объективно является малоперспективным.

Перед Россией стоит задача осуществления модернизации современного типа, т.е. создания промышленности, конкурентоспособной в современном постиндустриально - информационном мире, повышения производительности сельского хозяйства за счет внедрения «высоких» технологий. «Ломать», «преодолевать» сопротивление инертных, не желающих перемен многомиллионных масс или использовать методы «шока» нет необходимости. Вполне достаточно современных приемов информационного воздействия, хотя не исключено, что осознание необходимости перемен владеет массами даже больше, чем правящей элитой. Она пока не предложила гражданам страны внятной и убедительной целостной концепции модернизации (кроме отдельных, сомнительных с точки зрения их отдачи, проектов). Усиление авторитарных начал в жизни общества, как показала практика начала XXI века, в этих условиях, лишь усиливает возможности коррупции. Создание системы обратной связи власти с гражданами с использованием Интернет - технологий пока сводится к реагированию на отдельные жалобы по относительно мелким, частным вопросам, что не имеет отношения к модернизационным процессам.

Вероятно, «ключ» к решению проблем России лежит в трансформации менталитета самой правящей элиты, для чего могут потребоваться и «шоковые» эффекты. Одним из них – после чего собственно и встал вопрос о модернизации - стало распространение глобального кризиса на Россию, появление осознание уязвимости ее положения на глобализированном рынке. Другим могут оказаться постепенно нарастающие протесты «снизу» против попыток решать проблемы государства за счет доходов рядовых граждан в той или иной форме.

Какая трансформация менталитета правящей элиты необходима - вопрос, лежащий вне плоскости проблемы «демократия – авторитаризм», он требует особого рассмотрения, причем применительно к политическим и социально-экономическим реальностям России. Здесь представлялось бы целесообразным остановиться лишь на одном вопросе – важности внешних факторов модернизации, экономической «открытости» общества.

Почему-то модернизации обычно рассматриваются как производное от характеристик политического режима, внутреннего состояния общества. При этом забывается, что не было в истории ни одной «догоняющей» модернизации, проведенной с опорой на собственные силы. Все они развивались по одной схеме: приобретение техники и оборудования в более развитых странах – получение помощи их технических специалистов – заимствование моделей организации производства и подготовки кадров – создание базы самостоятельного дальнейшего технологического, промышленного развития.

Как только последняя задача находила решение, значение фактора внешней помощи, нередко далеко не бескорыстной, требующей унижений, подкупов, распродаж национального достояния, старались придать забвению, вычеркнуть из истории. Мало кто сейчас помнит, что сталинская индустриализация 1930-х гг. опиралась на закупки на Западе станков и оборудования, привлечение тысяч специалистов из-за рубежа. Условия Великого кризиса 1929 – 1932 г. позволили дешево купить простаивающие станки, привлечь массу потерявших работу специалистов к работе в СССР. Вторая волна технической модернизации прошла после завершения Великой отечественной войны, она опиралась на вывезенные из Германии в счет репараций машины и оборудование.

Характерен также пример современного Китая. Главным фактором его модернизации выступил не авторитаризм, а способность привлечь американские инвестиции и технологии. Политическая стабильность, наличие дешевой рабочей силы, введение налоговых льгот в открытых зонах для зарубежных инвесторов побудили корпорации США создать в КНР свои филиалы, они и обеспечили Китаю «взрывной» экономический рост. Можно вспомнить и японское «экономическое чудо» 1950-1960-х гг. Во многом оно опиралось на скупку патентов, «ноу-хау» у более развитых стран.

Конечно, результат внешней «открытости» может быть и иным. Есть примеры стран, где доминирующей становилась прослойка коррумпированной компрадорской буржуазии и чиновников, готовых принять роль младших партнеров зарубежных корпораций, идти на уступки любым их требованиям. Однако, «успешные» в плане модернизации страны (Южная Корея, Индия) очень четко определяли, где и в каких масштабах уместно стимулировать привлечение иностранного капитала, а где его участие следует ограничивать.

Итогом модернизаций прошлого, осуществлявшихся с привлечением зарубежных технологий и капиталов, становилось создание материально-технической базы последующего, относительно самостоятельного развития. В современных условиях это уже недостижимо. Ускорившиеся темпы научно-технического прогресса приводят к тому, что самое современное оборудование устаревает за 2-3 года (максимум – 5-7 лет). Возможности относительно автаркичного развития в какой-то мере сохранили лишь США (да и то с оговорками), возможно, такую способность начинает обретать Китай. Остальные страны, если они будут пытаться поодиночке вести «гонку за лидерами» окажутся обречены на хроническое и увеличивающееся отставание.

Единственным выходом даже для развитых средних и небольших государств, не исключая и Россию, становится принятие концепции соразвития, согласованной стратегии постиндустриальной модернизации, осуществления совместных проектов. Фактически именно такая модель реализуется в странах Евросоюза.

Условием перехода к концепции соразвития для России является повышение степени открытости общества, преодоление подозрительности в отношении международного научного сотрудничества. В то же время, необходимо учитывать, что возможные партнеры по «соразвитию» имеют собственные интересы, что требует глубокой экспертной оценки всех совместных проектов в том числе и под углом зрения их долгосрочных социально-экономических и социально-политических последствий, коррупционного влияния.

Вайнштейн Г.И.

ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

В последнее время проблема взаимосвязи между модернизацией и характером политического развития общества явно выдвинулась на первый план в дискуссиях вокруг тематики современной российской модернизации. Однако при всей активности ее обсуждения, она все еще остается весьма далекой от ясности, и характерной особенностью дискуссии на эту тему является зачастую подмена обсуждения проблем общественной модернизации рассуждениями относительно проблем модернизации политической системы.

Полагаю, что некоторому прояснению проблемы способствовало бы разграничение двух аспектов взаимосвязи общественной модернизации со сферой

политики: во-первых, - *структурной* взаимосвязи, и во-вторых, - *причинно-следственной* взаимосвязи.

С первым из этих аспектов все, как мне кажется, более или менее понятно. Здесь речь может идти о том, что модернизация политической системы является одним из структурных компонентов всего комплекса общественной модернизации (наряду с такими ее компонентами как экономическая модернизация, технологическая модернизация, модернизация общественной инфраструктуры, модернизация условий и качества жизни граждан и так далее). Очевидно, этот *структурный* аспект взаимосвязи между модернизацией и политическим развитием общества имеет непосредственное отношение к содержанию самого термина «общественная модернизация», то есть к выбору между его расширительным и узким толкованием. Понятно, что комплексная, всесторонняя модернизация общества, предполагающая «осовременивание» как можно более широкого набора составляющих общественной жизни (и политической, и экономической, и социальной, и образовательной, и технологической, и т.д.), предпочтительнее частичной, половинчатой модернизации, хотя далеко не всегда такое комплексное, и тем более одновременное, решение модернизационных задач возможно и по силам той или иной стране. Понятно, очевидно и то, что в разных страновых условиях сам набор структурных компонентов комплексной модернизации выглядит по-разному. Перед одними (более отсталыми) странами стоят задачи модернизации действительно весьма широкого ряда сфер общественной жизни, тогда как другие страны, находящиеся на более высоком уровне развития, вряд ли испытывают настоятельную потребность в такой широкой модернизации. Если говорить, например, о так называемых «развитых странах», то они с особой остротой испытывают потребность в технологической модернизации, тогда как модернизация, например, политических институтов, или же общественной инфраструктуры, или же условий жизни подавляющей части населения не выглядит для них особенно актуальной. И в этом смысле одна из сложнейших проблем России состоит как раз в том, что страна столкнулась с чрезвычайно масштабной, по сути дела, неразрешимой задачей всесторонней модернизации, требующей привести в соответствие с современным уровнем практически все стороны общественной жизни. Быть может, подсознательное понимание неразрешимости этой задачи объясняет то обстоятельство, что достаточно распространенным в экспертном сообществе является мнение о том, что нам нужна лишь «технологическая модернизация». Как бы то ни было, но структурный аспект отношений между модернизацией и сферой политического развития общества, повторяю, представляется более или менее понятным.

Гораздо сложнее обстоит дело с причинно-следственными взаимосвязями. В первом случае сфера политики рассматривается как один из компонентов общественной жизни, нуждающихся в изменении, и споры могут идти лишь о том, включать ли ее в **сегодняшнюю** модернизационную повестку дня или же повременить с этим. Во втором случае эта сфера воспринимается как совершенно необходимый, ключевой фактор модернизации, который определяет судьбы обновления всех других аспектов общественной жизни, и споры идут относительно того, какой именно тип политики является залогом успехов в реализации всего модернизационного проекта.

Как я понимаю, организаторы нашей конференции предлагают рассмотреть именно этот, причинно-следственный аспект взаимосвязи политики и модернизации, исходя при этом из убеждения в том, что сама эта взаимосвязь существует, и что нам следует лишь сопоставить возможности авторитарной и демократической

политики, чтобы понять, какова эта взаимосвязь, и выбрать оптимальный вариант политического развития.

Думаю, однако, что наши рассуждения на эту тему не будут иметь большого смысла, если мы не сумеем подняться над своей идеологической пристрастностью при сопоставлении авторитаризма и демократии. Понятное дело — сам по себе спор о том, что лучше (авторитаризм или демократия), вряд ли является сегодня актуальным занятием. И перед нами, полагаю, не стоит задача определить, какой тип политической системы является лучшим и более современным в нынешнем мире (худо-бедно, но на этот вопрос большая часть человечества, по-моему, ответила достаточно однозначно). Наша задача в другом: понять, как тот или иной тип политики соотносится с целями модернизации. Однако слишком часто в дискуссии, ведущейся в нашей печати по данному поводу, мы имеем, как мне кажется, дело скорее не с объективной оценкой роли политического фактора в процессах общественной модернизации, а с выражением субъективных предпочтений относительно курса политического развития. И эта излишняя идеологическая перегруженность дискуссии вокруг проблем модернизации, на мой взгляд, существенно снижает ее результативность.

Я говорю это вовсе не для того, чтобы оспорить мнение о том, что модернизация в условиях демократии эффективнее и потому предпочтительнее авторитарной модернизации, и соответственно выступить в защиту авторитарного варианта модернизации. Мне хотелось бы подчеркнуть совсем другое. До сих пор проблема взаимосвязи политики и модернизации решается у нас в рамках дискуссии о том, какова эта взаимосвязь (то есть, какой тип политики **соответствует** решению модернизационных задач, а какой, напротив, **препятствует** этому решению). Однако я полагаю, что проблема заключается в ином: не в том, какова взаимосвязь политики и модернизации, а в том, существует ли она вообще (то есть — существует ли некая единая жесткая закономерность, работающая повсеместно во всех обществах и выражающаяся в том, что один тип политики благодетелен для модернизации, а другой вреден для нее и несовместим с ее целями)? На мой взгляд, такая общая закономерность отсутствует. По крайней мере, нет убедительных свидетельств наличия такой взаимосвязи.

В одних случаях результативная модернизация происходит в условиях демократической политики, а в других случаях — в условиях авторитарной политики. Известен ряд примеров, когда модернизация общества осуществлялась без его политической модернизации. Одни из них относятся к сравнительно давней истории (как, например, модернизация Турции во времена Ататюрка). Другие — к сравнительно недавней истории (например, так называемые «азиатские тигры»). Третьи — к нынешнему периоду (например, Китай). Но есть и не менее показательные примеры иного рода, свидетельствующие о том, что политическая модернизация не обеспечивает широкой модернизации общества. Наиболее ярким примером такого рода является, я думаю, Индия, в которой, при всех экономических и технологических успехах этой страны, демократический характер политической системы отнюдь не привел к преодолению глубокой отсталости общества. Во всяком случае, при сравнении демократической модернизации Индии и авторитарной модернизации, например, Китая, можно, как мне кажется, констатировать значительное превосходство результатов китайской модернизации. То же самое можно сказать и о ряде нынешних авторитарных модернизаций стран Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Арабские Эмираты). Поэтому, в целом нужно, я думаю, признать, что **единая закономерность причинно-следственных взаимосвязей между характером политической системы и результативностью общественной модернизации не просматривается**. Иными словами, в действительности нет

единой, универсальной модели взаимосвязи между политикой и модернизацией, или, говоря проще, - **результаты модернизации не обусловлены типом политической системы.**

Результаты модернизационных проектов гораздо больше зависят не от политического климата в той или иной стране, а от того, что можно, очевидно, назвать «качественными характеристиками» тех, кто реализует эти проекты, или, говоря шире, от качества «человеческого материала» того или иного общества, и в первую очередь, от качества его элитных групп. И если политический климат общества можно изменить, или, по крайней мере, можно рассчитывать на реальность его относительно быстрого изменения, то «человеческий материал» общества столь быстрым изменениям не поддается. Конечно, существует мнение о том, что демократическая политика способствует улучшению этих «качественных характеристик». Но, по-моему, сторонники этой точки зрения говорят скорее о желаемом, чем о действительном.

Если обратиться к нашим российским реалиям, то я не очень понимаю, какую роль играет фактор политической системы в целом ряде случаев, относящихся к практике реализации модернизационных целей. Мне не понятно, например, какое отношение имеет политическая система к проведению у нас политики автомобилизации населения в условиях сохраняющегося вопиющего бездорожья, или как связана с политической системой наша готовность затратить огромные усилия на разработку энергосберегающих технологий, не удосуживаясь, прежде всего, предпринять простейшие меры по установке примитивных устройств, отключающих в дневное время электричество в миллионах подъездов жилых домов. Подобные примеры можно продолжать до бесконечности. И все они, по-моему, свидетельствуют о том, что ущербность российской модернизации обусловлена не характером нашей политической системы, а примитивной глупостью, безалаберностью, недалекостью, профессиональной несостоятельностью наших «горе-модернизаторов». В этом смысле, я совершенно согласен с В. Иноземцевым, который написал в одной из своих недавних статей о том, что Россию отличает «неспособность к качественному развитию»¹¹ Мне думается, что этот порок стал некой устойчивой характеристикой России, который, к сожалению, сохранит свою живучесть и в условиях демократии, и в условиях авторитаризма.

Здесь возникает, однако, один существенный вопрос. Если допустить, что решение модернизационных задач, действительно, не детерминируется политическим контекстом, то что это означает с точки зрения интересов и перспектив российской модернизации? Означает ли это, что правящий класс страны может чувствовать себя свободным в выборе пути политического развития и может связывать реализацию планов модернизации (если не комплексной, то, по крайней мере, частичной) в равной мере как с демократической, так и с авторитарной политикой? Формально это вроде бы так. Что бы ни говорилось о несовместимости в современную эпоху авторитаризма и модернизации, объективности ради следует признать: **успешная авторитарная модернизация — это феномен не только прошлого, но и наших дней.** Более того, в условиях наблюдающегося сегодня известного кризиса либеральных парадигм общественного развития стремление ряда стран к реализации именно этого авторитарного пути модернизации не только не ослабевает, а, наоборот, усиливается. И не нужно, я думаю, окарικатуривать феномен авторитарной модернизации, представляя дело таким образом, как будто речь идет о реализации проектов модернизации за колючей проволокой и под дулами автоматов.

¹¹ <http://www.inozemtsev.net/index.php?m=vert&menu=sub2&pr=110&id=1145>.

Так, по-моему, выглядит нынешняя ситуация в самом обобщенном виде. Однако, в конкретном российском случае ситуация выглядит по-иному. Российский правящий класс, который в принципе, казалось бы, может выбирать между альтернативными сценариями политического развития общества, в действительности находится в глубоком тупике.

С одной стороны, опыт развития страны в течение нескольких последних десятилетий свидетельствует о том, что упование на либерализацию оборачивается в России хаосом, разгулом коррупции, ростом национал-популизма, сепаратизма и многими другими бедами, но только не экономическим прогрессом и модернизацией. И вряд ли есть достаточные основания полагать, что в дальнейшем ситуация может радикально измениться. Сошлюсь, в частности, на мнение такого далекого от пристрастий к авторитарному сценарию исследователя как питерский политолог В.Гельман, который весьма убедительно доказывает, что демократическая модернизация ничего не гарантирует в России.¹² И в этой точке зрения Гельман отнюдь не одинок.

С другой стороны, крайне сомнительными выглядят шансы на успех и авторитарной модернизации. И не потому, что она в принципе не совместима с целями модернизационного проекта, а потому, что у власти просто нет надежных инструментов, на которые она могла бы опереться в ее реализации. Ни бюрократия, ни силовые структуры, ни про-властная доминирующая партия не заинтересованы в модернизации и не могут стать той силой, которая оказалась бы ее мотором.

И здесь опять же приходится согласиться с Иноземцевым: Россия попала, как он пишет, «в ловушку» - в ее модернизационных усилиях ей «не опереться ни на рыночные, ни на этатистские рычаги».¹³

По сути дела, ситуация выглядит бесперспективной. Но, думаю, не безнадежной. Она бесперспективна, если ставить перед собой слишком амбициозные задачи превращения России (тем более, в ближайшем будущем) во всесторонне развитую, современную во всех отношениях страну. Эта амбициозность — не более чем пустая риторика, которая, в конечном счете, ведет к очередной дискредитации прогрессивной идеи. Но она не безнадежна, если отказаться от столь близкой нашей ментальности претенциозности и сосредоточиться на осуществлении более скромных, но практически реализуемых проектов.

Я имею в виду необходимость сосредоточиться на создании в России хотя бы неких «очагов» модернизации. Понятно, что такая «очаговая», отчасти региональная модернизация конечно же модернизацией общества в полном смысле этого слова не является. Но это - очевидно необходимый и единственный реально возможный шаг на пути к модернизации общества, которое, по сути дела, находится одновременно на нескольких разных уровнях развития. Россия — страна, живущая не только в разных часовых поясах, но и в разных, если можно так сказать, временных эпохах. И полагать, что понятие модернизации может иметь одинаковый смысл на всем географическом и социокультурном пространстве России, было бы утопией.

К сожалению, однако, даже тогда, когда российская власть решает пойти по достаточно трезвому пути создания «очагов» модернизации, призванных стать своеобразным локомотивом вывода общества на более высокий уровень развития, она остается в плену своей порочной амбициозности. Наглядный тому пример — проект строительства инновационного центра в Сколково. Задумав проект как некий российский аналог американской Силиконовой долины (которая, как известно, послужила центром развития информационных технологий), российская власть, судя

¹² <http://www.eu.spb.ru/index.php?option=content&task=view&id=823>

¹³ <http://www.inozemtsev.net/index.php?m=vert&menu=sub2&pr=110&id=1145>

по всему, сочла для себя зазорным «размениваться» на такие «мелочи» как решение какой-то одной модернизационной задачи. Она заявила сразу о пяти приоритетных целях этого проекта: развитие информационных технологий, телекоммуникаций, энергетики, биомедицины и ядерных технологий. Оправдывая эту амбициозность, политический куратор проекта Владислав Сурков заявил о том, что «приниженность» замыслов недостойна нашей страны, что такая большая страна как Россия «может развиваться только с помощью очень больших проектов» и что в этом смысле Сколково — еще «недостаточно масштабный проект».¹⁴

Крайне сомнительно, что подобная «гигантомания» действительно может дать практические результаты, которые послужат реальным толчком общественной модернизации.

Холодковский К.Г.

ИЗЖИВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

История России и других стран свидетельствует, что каждый раз необходимо определиться, с каким типом модернизации мы имеем дело. С предельной степенью обобщения можно утверждать о существовании трех типов модернизации. Первый тип - это, так сказать, «модернизация до модернизационной эпохи»: частичное, преимущественно военно-техническое обновление традиционного общества под воздействием более современных обществ. Второй - модернизация в прямом смысле этого термина - всестороннее преобразование, результатом которого становится возникновение индустриального общества. И третий тип, который, строго говоря, уже не является модернизацией в научном смысле этого слова, - прорыв в постиндустриальное общество.

Если обратиться к истории России, то петровская модернизация, продолженная Екатериной II, несомненно, была модернизацией первого типа - военно-технической и управленческой модернизацией, сопровождавшейся бытовой и культурной европеизацией тогдашней элиты - дворянства. Такая «державная» модернизация отнюдь не была переходом к индустриальному обществу, наоборот, придав стране внешние признаки цивилизованной «современности», усиливала черты традиционного общества. За нее пришлось заплатить не только усилением отсталых, крепостнических социальных отношений и сверхэксплуатацией крестьянства, но и возникновением того культурного раскола российского общества, который не изжит до сих пор.

Иначе обстоит дело с дальнейшими попытками российской модернизации - а Россия оказалась своеобразным рекордсменом по количеству таких попыток. Реформы Александра II были вторжением в социальные отношения (отмена крепостничества), подходом к осуществлению разделения властей (создание более или менее независимого суда, предполагавшееся в последние дни царствования дарование конституции), созданием некоторых предпосылок для развития гражданского общества (введение земства). Все это привело к известному, хотя и ограниченному расширению возможностей для роста производительных сил. Однако методы реформирования «сверху» слишком напоминали одностороннюю модернизацию первого типа: сохранялись такие «пережитки» традиционного общества, как самодержавие, сословия, полицейско-бюрократическое управление. Результатом стало пятидесятилетнее вызревание катастрофических революционных потрясений.

Третьей попыткой модернизации стала политика советской власти - революционное уничтожение основ традиционного общества, форсированная индустриализация, в основном имитировавшая достижения Запада, повышение

¹⁴ <http://www.vesti.ru/doc.html?id=348412>

среднего образовательного уровня населения, громко именовавшееся «культурной революцией». Цена этих преобразований оказалась много выше, чем предыдущих: установление тоталитарного строя, изоляция от окружающего мира, уничтожение рыночного механизма и всех источников саморазвития общества. За исключением военно-технической области (включавшей в себя и космическую технику), возникший в результате экономический потенциал оказался в долгосрочном измерении совершенно нежизнеспособным.

Наконец, четвертая попытка преобразования российского общества, которой мы были свидетелями, ликвидировала тоталитаризм и изоляцию от остального мира, породила весьма несовершенный рынок, формально ввела в стране институты парламентской демократии. Однако снова была уплачена слишком дорогая цена: было разрушено пусть несовершенное наследие советской эпохи - производственный комплекс и механизм социальной защиты, в результате отставание от ведущих держав увеличилось.

Таким образом, с грехом пополам решив задачи модернизации первого типа, что обеспечило на полтора столетия - двести лет (несмотря на ряд внешнеполитических поражений) известное державное величие и расцвет культуры, ограниченный, правда, верхами общества, российское государство не смогло адекватно решить модернизационные задачи второго типа. Однако жизнь выдвигает уже новые задачи, свойственные третьему типу модернизации, и отсюда - усилия российского руководства поставить в повестку дня новую, пятую по счету, попытку модернизации.

Для того, чтобы разобраться в причинах такого количества неудачных и полуудачных приступов к задачам модернизации нашей страны, целесообразно обратиться к анализу предпосылок модернизации, как они выглядят на опыте не только России, но и других стран, не принадлежащих к первому эшелону. В первом приближении можно выделить несколько предпосылок, необходимых и достаточных для ее осуществления.

Прежде всего, речь идет об осознании значительной частью элиты (или, в других случаях, контрэлиты, если таковая имеется) опасности отставания от других, ушедших вперед стран. Наиболее ясно такое осознание достигается в результате поражения в войне (в современную эпоху - в конкурентном соревновании) или серьезных внутривнутриполитических потрясений (как в Чили). В поисках причин этого опасного отставания может возникнуть отталкивание от прежней модели общества. Известно, что еще до реформ Петра I в верхушке российского правящего класса уже наличествовала определенная тяга к европеизации.

Однако важной предпосылкой становится появление во главе государства представляющей эту дальновидную часть элиты сильной и авторитетной личности, способной сконцентрировать политическую волю и обратить инструменты власти на пользу реформ. Не случайно каждый период модернизации в России (да и не только в России - примером может служить Турция при Кемале Ататюрке) персонализирован, связан с определенной личностью или личностями. Возможно, вариантом здесь может стать наличие значимой инициативной группы в элите (или, в революционном варианте, контрэлите).

Но одного желания перемен, даже в сочетании с политической волей, очевидно, недостаточно. Инициаторам реформ необходимо хорошее знание реальной ситуации в стране, трезвое понимание опасностей, ясное, соответствующее объективным потребностям и возможностям общества представление о сущности и путях преобразований. Как известно, наиболее справедливый упрек, который можно предъявить инициаторам перестройки - недостаточное понимание того, куда ведут предпринятые реформы. Очень часто в

истории ограниченность кругозора власть имущих, их корыстные интересы, нежелание поступиться завоеванными позициями искажает и выхолащивает предпринятые реформы.

Далее. Для передачи импульсов от власти к обществу, практической реализации намеченных преобразований нужен более или менее адекватный кадровый и организационный инструментарий - достаточно просвещенная и мало коррумпированная бюрократия. Вряд ли Пиночет вошел бы в историю не только как диктатор, но и как реформатор, не будь чилийская бюрократия столь отличной в этом отношении от бюрократии других латиноамериканских стран. Различие в степени исполнительности и коррумпированности российской и китайской бюрократии - одна из причин разной удачливости современных российских и китайских модернизаторов.

Несомненно, необходимой предпосылкой является существование благоприятных социально-психологических условий для восприятия этих реформ страной. В традиционном или тоталитарном обществе таким фактором может быть привычка основной массы населения к беспрекословному послушанию (Россия при Петре I, может быть - современный Китай), в других условиях - та или иная мобилизационная идеология (как в советские годы), наконец, в современном цивилизованном обществе - возникновение на почве личной заинтересованности быстро оформляющейся среды поддержки.

Для успеха реформ (и их известной последовательности) требуется также, чтобы сопротивление им было относительно слабым. Условием этого является значительная исчерпанность источников силы консервативной части верхов, ее растерянность и отсутствие в ней единства, разрушение привычных форм ее контроля над низами. Наглядным примером здесь может служить растерянность и деморализация приверженцев статус-кво в годы перестройки. Однако мы знаем, как быстро консервативные силы России оправились от этой растерянности и смогли наложить свой отпечаток на проводившиеся реформы.

Последней (по списку, но не по значимости) предпосылкой успеха модернизационных преобразований являются благоприятные внешние условия. Такими условиями после второй мировой войны были рост влияния демократических стран на мировой арене и прямая оккупация войсками этих стран Западной Германии и Японии, а в наше время--глобализация.

Как видим, для успеха модернизации необходимо сочетание целого ряда предпосылок. Несомненно, отсутствие той или иной из них ставит под вопрос этот успех. При этом чуть ли не половина необходимых условий носит не столько объективный, сколько субъективный характер, характеризует психологическую атмосферу как в верхах, так и в низах общества. На отсутствие или недостаточное развитие таких предпосылок (недостаточно ясное или однобокое, искаженное корыстными интересами понимание задач, силу сопротивления ретроградных кругов, негодный бюрократический аппарат, культурно-психологическое средостение между «верхами» и «низами») частенько наталкивалась в России политика модернизации.

Если мы задумаемся, как возникают или могут возникнуть перечисленные выше благоприятные условия, мы приходим к выводу, что, за исключением привычки населения к послушанию и, возможно, мобилизационной идеологии, необходимая совокупность предпосылок успешнее складывается в демократических обществах.

Именно там быстрее и легче возникают новые веяния и инициативы, и притом не только «наверху», у представителей государственной власти, но и в самом обществе, легче преодолевается заскорузлость и корыстная близорукость сторонников статус-кво, ограничивается с помощью общественного и

парламентского контроля бюрократическая коррупция, в открытой политической борьбе возникает и сплачивается мощная инициативная группа, посредством избирательного механизма мобилизующая личный интерес людей и оформляющая таким образом достаточную среду поддержки предпринятых реформ в обществе. Строго говоря, для демократических обществ модернизация не носит кампанейского характера, происходит более или менее постоянно и не составляет поэтому болезненной проблемы. Характер головоломки она приобретает лишь в авторитарных государствах, то есть сейчас - почти исключительно в развивающихся и переходных обществах. В них чаще можно говорить о *попытках* модернизации, чем о ее успехе.

В тех относительно редких случаях, когда хотя бы начало авторитарной модернизации оказывается успешным (позднефранкистская Испания, позднепиночетовское Чили, Южная Корея), в современных условиях (то есть во второй половине XX - начале XXI веков) почти неизбежно встает вопрос о демократизации как предпосылке дальнейшей модернизации.

Почему это так? Думается, что дело не только в том, что в результате модернизационных реформ возникает слой людей, заинтересованных в демократических свободах. Дело, прежде всего в том, что для решительного успеха этих преобразований нужно, чтобы возникшие на их первом этапе новые институты эффективно заработали, создавая механизм саморегуляции, чтобы, скажем, в экономике по-настоящему действовала конкуренция, были преодолены монополизм и административные рогадки, чтобы была максимально ограничена коррупция, чтобы возникло активно действующее гражданское общество. Это не значит, конечно, что в результате возникновения такой потребности, объективной и субъективной, демократизация обязательно происходит (взять хотя бы многие страны Азии и Латинской Америки) и, тем более если модернизация идет и дальше успешно.

Что обычно создает благоприятные условия для перехода от авторитарной модернизации к демократической? Вероятно, здесь тоже можно назвать целый ряд предпосылок. Но, несомненно, главные среди них - появление более или менее состоятельного (не только в имущественном смысле) среднего класса и наличие авторитетного примера (образца для преобразований). Для стран Восточной Европы таким примером являются «старые» страны ЕС. Для стран Евразии и развивающихся стран дело осложняется примером Китая. Очень важно в этой связи, как дальше будет развиваться Китай. Пока что он выступает как опровержение тезиса о необходимости демократии для по-настоящему успешного осуществления модернизации. Но, на мой взгляд, там накопилось слишком много проблем, чтобы развитие в относительно недолгой перспективе не натолкнулось на препятствия, которые могут стать причиной серьезных потрясений.

Возвращаясь к России, нужно сказать, что здесь есть такой стимул для перехода к демократии, как уроки истории (хотя, к глубокому сожалению, история мало кого учит). Если задуматься над уроками предыдущих модернизационных попыток, то можно увидеть, что при всем бросающемся в глаза различии этих попыток (укажем, хотя бы на отличия революционных мер большевиков от реформистской политики царей) во всех случаях предпринимаемая модернизация происходит в основном по одной и той же схеме. Это модернизация частичная, оставляющая в стороне от реформ целые сферы общественной жизни, а иногда даже и осуществляющая в них контрреформы, это модернизация авторитарная, не ставящая всерьез задачи демократизации или ставящая их поверхностно и формально - словом, хотя и перешедшая от чисто военно-технических целей к

проблеме построения индустриального общества, но по своей модели оставшаяся на уровне ограниченной модернизации первого типа.

Но можно заметить не только это. Важно, что раз от разу эффективность традиционной для России частичной, односторонней модернизации снижается. Возрастает цена, уплаченная за модернизацию, уменьшается время до того момента, когда вновь возникает модернизационная необходимость, увеличивается отставание от ведущих держав. В начале XX века Россия отставала по производительности труда от четырех - пяти развитых стран. Столетие спустя она пропустила вперед десятки стран, в том числе развивающихся. Нельзя не поставить этот факт в связь со сказанным выше о необходимости работающих институтов, о значении для этого современной демократии.

Не означает ли это, что Россия фактически *изживает* традиционную для нее модель модернизации? Что исторический опыт неопровержимо доказал ее неэффективность и тем более - непригодность для новой эпохи, когда на очереди уже модернизация третьего типа, неразрывно связанная с радикальными техническими инновациями, с прорывом в постиндустриальный мир? Ясно, что такая модернизация требует человеческого капитала высокого уровня, то есть свободного, инициативного человека, имеющего доступ ко всем возможностям современной цивилизации, - человека, у которого не связаны руки бюрократическим и коррупционным гнетом или выживанием на грани нищеты. В этих условиях последовательная и неформальная демократизация, активизация гражданского общества становятся совершенно необходимой составной частью модернизационных усилий.

Разумеется, это лишь самая общая постановка вопроса о преодолении коренных пороков традиционной российской модернизационной модели. Наиболее сложная часть задачи - выявление конкретных возможностей и рычагов преобразовательной деятельности, адекватно отвечающей потребностям нового, третьего типа модернизации. Не найдя этих перспектив, Россия утратит и те позиции в мире, которыми она располагает сейчас. Недаром уже сейчас можно встретить утверждения о необратимой утрате страной в результате потрясений XX века лучшей части своего генофонда.

Одно из оснований (увы, немногих) надеяться на более благоприятный исход новых попыток модернизации - развивающиеся процессы глобализации. Эти процессы ограничивают известными рамками авторитарную деградацию государства, позволяют привлекать модернизационные силы извне. Конечно, этого недостаточно для успеха, но все же меняют ситуацию к лучшему. Разумеется, эти благоприятные условия могут сработать только в том случае, если будет покончено с психологией «враждебного окружения», если ведущие страны мира, конкуренты России в мирном соревновании, перестанут примитивно восприниматься как угроза ее благополучию.

Пантин В.И.

МОДЕЛЬ ПОЛУАВТОРИТАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Широко известна теоретическая схема, основанная на неизбежности перехода от авторитарной модернизации к модернизации чисто демократической. При этом сам переход от авторитаризма к демократии в подавляющем большинстве случаев трактуется как линейный и необратимый. Однако такая схема, как представляется, является весьма упрощенной и плохо соответствует реальным процессам модернизации во многих странах мира, включая "первый", "второй" и "третий"

эшелоны модернизации.¹⁵ Действительно, даже в случае "старейшей демократии мира" – Великобритании, начавшей политическую, экономическую, социальную и культурную модернизацию в XVII в., переход от авторитаризма к демократии прослеживается с трудом; получается, что Великобритания с самого начала осуществляла демократическую модернизацию, в которой, однако, присутствовали многочисленные черты авторитаризма (достаточно привести, например, несменяемость правления "доминирующей" партии вигов в Англии на протяжении почти всего XVIII в. или отнюдь не демократическую политику Англии в Ирландии, которая не была колонией, в XVII – XIX вв.). Для такой крупной страны, как США, переход от авторитарной модернизации к демократической либо отсутствовал вовсе, либо чрезвычайно размыт (некоторым аналогом такого перехода может служить отмена рабства в США в ходе Гражданской войны 1860-х гг., но в целом это выглядит явной натяжкой). В то же время и после 1860-х гг. модернизацию в США трудно рассматривать как чисто демократическую, поскольку многие категории населения (например, индейцы, негры, некоторые другие группы) вплоть до 1960-х гг. фактически были лишены политических, в том числе избирательных прав. Трудно назвать чисто демократическими и период работы комиссии сенатора Маккарти в 1950-х гг. или же период президентства Дж. Буша-младшего в 2000-х гг., когда принимались решения и акты, прямо противоречившие нормам демократии, конституции и нарушавшие права граждан.

В других странах, которые обычно также относят к "первому" эшелону модернизации, например, во Франции и Германии схема линейного и необратимого перехода от "чистого" авторитаризма к "чистой" демократии также работает с большими натяжками. Так, во Франции, которую часто считают второй после Великобритании страной, где утвердилась либеральная демократия, с конца XVIII в. и на протяжении почти всего XIX в. господствовали революционно-диктаторские, авторитарно-имперские и авторитарно-реставраторские режимы якобинцев, Наполеона I, Бурбонов, Наполеона III и т.п. Даже в XX в. во Франции в период второй мировой войны и в период правления де Голля (с конца 1950-х до конца 1960-х гг.) по существу присутствовали ярко выраженные черты авторитаризма. В итоге модернизацию Франции с конца XVIII в. и до конца XX в. была не чисто демократической и не чисто авторитарной, в ней одновременно присутствовали черты и авторитаризма, и демократии (или же временные промежутки преобладания авторитаризма и преобладания демократии периодически чередовались). Нечто подобное было характерно и для модернизации Германии: авторитарную модернизацию Бисмарка и Вильгельма II сменил веймарский демократический режим, за которым последовал тоталитарный нацистский режим, затем после Второй мировой войны вновь происходила преимущественно демократическая модернизация, которая, однако, сопровождалась периодом определенного ограничения демократии (так называемый период "запрета на профессии" в ФРГ в 1960-е гг.). Аналогичная ситуация наблюдалась и до сих пор наблюдается в Италии.¹⁶

Еще в меньшей степени схема перехода от чисто авторитарной к чисто демократической модернизации соответствует процессам, которые происходили в странах "второго" (Япония и Россия) и "третьего" (Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки) эшелонов. Так, в Японии даже после второй мировой войны утвердился режим, при котором правила "доминирующая" Либерально-демократическая партия, причем одни кланы весьма немногочисленной

¹⁵ Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука, 2003, № 2; Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Политические исследования, 2004, № 2.

¹⁶ Левин И.Б. В урнах – пепел демократии? // Политика, 2009, № 2.

правлящей элиты сменяли другие. В настоящее время основные политические и экономические решения в Японии по-прежнему принимаются не в парламенте, а на совещаниях нескольких авторитетных лиц, представляющие основные кланы, распоряжающиеся властью в стране. Разумеется, парламентские выборы имеют определенное значение, но во многом они представляют собой фасад, за которым господствуют не демократические, а полуавторитарные процедуры. В неменьшей мере это относится к Индии, которую часто называют "крупнейшей демократией мира". Как известно, на протяжении почти полувека после получения независимости в Индии правила одна партия (Индийский национальный конгресс), причем пост премьер-министра по сути занимали члены одной семьи. В конце XX в. ситуация несколько изменилась, партийные блоки стали сменять друг друга у власти, но в действительности кастовая и клановая система в Индии продолжает доминировать: доступ в политику имеют лишь представители высших каст, которые живут своей обособленной от подавляющего большинства населения жизнью. Во многом сходная ситуация присутствует и в случае модернизации Турции. Периодическая смена авторитарных и демократических режимов характерна также для многих стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки.

Все перечисленные явления и тенденции позволяют говорить о том, что чаще всего на протяжении весьма длительного времени наблюдается не линейный и не односторонний переход от авторитаризма к демократии, а смешанный "авторитарно-демократический" ("полуавторитарный") тип модернизации, сопровождающийся чередованием периодов доминирования то авторитарных, то демократических тенденций. Само наличие и широкая распространенность такого типа модернизации вполне объяснимы. Дело в том, что в зависимости от периодически меняющихся внутри- и внешнеполитических условий более эффективной становится то более авторитарная, то более демократическая модель модернизации. Так, в периоды глубоких экономических и политических кризисов демократическая модель модернизации нередко дает сбой, делая необходимым использование авторитарных методов. В этом отношении российская модернизация с ее чередованием авторитарных контрреформ и либерально-демократических (или полудемократических) реформ¹⁷ не является исключением. Своеобразие российской модернизации, как представляется, состоит не в самом факте чередования или же тесного переплетения авторитарных и демократических тенденций, а в том, что демократические институты, несмотря на более чем 300-летнюю модернизацию, так и не утвердились как следует в российской политической системе и в российском обществе, не стали их органической составляющей. В немалой степени это связано с неэффективностью тех форм демократических институтов, которые те или иные реформаторы пытались внедрить в России, с неприспособленностью этих институтов к российским условиям, к менталитету политической элиты и других слоев общества. Россия всякий раз пыталась "быстро и сразу" позаимствовать демократические институты в готовом виде, скопировать их у западных стран, а не трансформировать собственные политические институты в направлении их постепенной, эволюционной демократизации. Во многом это объясняется объективно сложной внешней и внутренней ситуацией, в которой Россия находилась в периоды попыток проведения либерально-демократических реформ (например, в 1860-е – 1870-е гг., после Февральской революции 1917 г., в 1990-е гг.), но немалую роль здесь сыграл и субъективный фактор – нетерпение радикальных либералов или демократов, их неумение и нежелание считаться с российскими условиями.

Более того, радикальные демократы и модернизаторы в России не раз пытались осуществить резкий слом культурно-генетического кода большинства

¹⁷ Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. М., 2007.

населения, насильственно облагодетельствовать его и заставить жить "по-новому". Однако попытки резкого слома, а не эволюционного изменения культурно-генетического кода в условиях современной России могут привести к катастрофе, а не к модернизации. Более предпочтительным и эффективным является эволюционный путь развития, в котором сочетаются элементы авторитарной и демократической модернизации при постепенном реальном формировании демократических институтов, приспособленных к условиям жизни современного российского общества.

Семененко И.С.

ПОВЕСТКА ДНЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОБ АКТОРАХ, УРОВНЯХ И МЕХАНИЗМАХ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Повестка дня российского модернизационного проекта уже не первый год обсуждается в научном и экспертном сообществах. В дискуссию вовлечены не только ученые и эксперты, занимающиеся анализом социальных изменений, но и те, кто непосредственно работает над созданием материального фундамента модернизационных перемен, и те, кто закладывает его культурные основания в образовании и просветительской деятельности. Появление задач модернизации в текущей политической повестке дня стимулирует к подведению некоторых итогов и выявлению узловых проблем этой дискуссии. Речь идет и о решении важной практической задачи: наметить возможные шаги по осуществлению модернизационного проекта в меняющейся российской реальности, которую вряд ли пока можно характеризовать как «посткризисную» - в том смысле, что кризисное развитие до сих пор не запустило в России системных механизмов выхода из него. В этих условиях *появление механизмов генерации общественного запроса на модернизационное развитие* становится, на наш взгляд, *мерилом успеха* такого проекта.

В дискуссии последнего десятилетия настойчиво ставится вопрос о *субъекте (субъектах)* российской модернизации – тех социальных группах, которые могут создавать значимые для общественного развития точки роста, открывая пути улучшения качества общественной среды. Их деятельность способствует запуску эффективных механизмов обновления различных сфер жизни, *созданию социального климата, восприимчивого к потребностям развития общества и благоприятного для развития человека*. При переходе к новой фазе развития обновление институтов происходит силами «человека действующего» (если воспользоваться формулой «социологии действия» известного французского социолога А. Турена).¹⁸ Он объединяет усилия с теми, кто разделяет общий культурный выбор и ориентиры развития, и инициирует необходимые для их достижения институциональные изменения. На политическом уровне результатом такой деятельности может быть появление новых политических партий, общественных движений, групп интересов и других форм политического участия. Однако в России такие макросубъекты модернизации до сих пор не появились, и в этом видится одна из причин отсутствия системных механизмов преодоления кризисного развития.

Еще в начале 2000х гг. ключевую роль индивида в осуществлении российского модернизационного проекта отмечал Г.Г. Дилигенский, один из основателей научной школы социальной психологии в России. Исследуя проблемы формирования российского среднего класса на исходе первого постсоветского десятилетия, он обращал внимание на отсутствие в стране «макросоциальных факторов

¹⁸ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

модернизационного процесса» как на «важнейшую особенность условий российской модернизации». В «антимодернизационной макросоциальной среде» России на пороге XXI века «тормоза модернизации» присутствовали и в технико-экономической, и в институциональной, и в культурной, и в социально-психологической сферах. Хотя там и просматривались некоторые «воплощающие модернизацию тенденции», однако они «гасились» сопротивлением среды и не выходили на социетальный уровень. «Основной вопрос» российской модернизации был сформулирован Г.Г. Дилигенским по итогам сопоставления с опытом развитых стран и успешных модернизаций второй половины XX века. Если «в наиболее развитых и успешно развивающихся обществах сам принцип инноваций вписан в институциональную и культурную, экономическую и политическую системы и макросоциальные факторы играют здесь поэтому важную самостоятельную роль во всех трансформационных процессах..., (то) в России, где эта роль несравненно слабее, *индивид, обладающий способностями и волей к инновационной деятельности, становится решающим фактором модернизации* (курсив автора). И, соответственно, не только необходимой..., но и центральной «единицей анализа» модернизационного процесса».¹⁹ Сегодня эти выводы, сделанные почти десятилетие назад, являют собой яркий пример точного научного предвидения – и в отношении приоритетов нынешнего этапа российской модернизации как «модернизации человека», и в смысле ориентиров для его научного осмысления.

Сравнение сегодняшней ситуации с положением начала 2000-х гг. позволяет с уверенностью говорить о том, что та социальная среда, в которой потенциально мог зародиться субъект российской модернизации, и, в частности, те слои, что подпитывали формирование среднего класса, не стали консолидированной опорой перемен. Сегодня скорее можно говорить о *дисперсном потенциале модернизационного развития*, который аккумулируют те или иные представители связанных с реальной экономикой и с творческими специальностями профессий, те, кто создает точки роста в разных сферах общественной жизни. Вопрос о том, как аккумулировать их возможности для решения задач национального развития, остается ключевой проблемой модернизационной повестки дня.

Между тем на самую такую повестку пока не сформулировано внятного общественного запроса. По опросам ФОМ, более трети населения (38%) и почти половина (48%) т.н. социальных инноваторов (согласно выводам исследования посвященного субъектности инновационного развития – это 15% взрослого населения страны, составляющих «типологическую группу, усилиями которой в обществе распространяются инновации»),²⁰ оценивают ситуацию с модернизацией и технологическим обновлением в России как «плохую» и еще 32% тех и других – как «среднюю». При этом первостепенными задачами деятельности правительства названы и сегодня борьба с коррупцией (35 и 33 %), повышение уровня культуры населения (по 23%) и развитие несырьевых отраслей (20 и 22 %). В приоритетности поддержки малого и среднего бизнеса (17 и 30%) и науки и научно – технического прогресса (9 и 17 %) между мнением населения и его инновационной группы есть заметные расхождения, по остальным позициям ответы близки либо практически идентичны.²¹

¹⁹ Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002, с. 43-46.

²⁰ О характеристиках этой группы по типологии ФОМ см. «Люди XXI века» <http://www.fom.ru/projects/3030.html>.

Предложенная на основании исследования типологическая характеристика этой группы как «социальных» инноваторов представляется спорной: в ней едва заметно собственно *социальное* измерение (если не сводить его к ориентации на профессиональный рост и на современные образовательные, досуговые и потребительские практики).

²¹ Опросы июня и ноября 2009 г. - <http://bd.fom.ru/pdf/dec09.pdf>

Приоритетной задачей, поэтому, сегодня представляется *формирование социально приемлемого и разделяемого обществом дискурса модернизации*. Проблема, над решением которой стоит задуматься – это эффективные пути стимулирования разных форм массовой вовлеченности людей, собственно основы *любой* модернизации. Речь идет в первую очередь о мотивации социального участия: сегодня оно объективно направлено в русло социального протеста. Акции автомобилистов, обманутых вкладчиков и дольщиков объединяют людей вокруг проблем, в которых они уже не рассчитывают на помощь государства. В то же время сами по себе важные и бесспорно «правильные» с точки зрения социальной модернизации инициативы (такие, как создание товариществ собственников жилья, территориальных общин или школьных родительских советов), зачастую «гасятся» инерцией отождествления этих направлений деятельности со сферой ответственности государства.

Самым серьезным препятствием на пути такой самоорганизации оказываются негативные тенденции социальной динамики - рост неоднородности и вопиющего неравенства в российском обществе, дисфункции общественных институтов и падение доверия к ним, низкий уровень социальной солидарности. Утвердившееся в России «нулевых годов» избыточное неравенство не сводится к показателям дифференциации по уровню доходов – т.н. децильного коэффициента (по данным Минэкономразвития, 16,7 в 2009 г.; в предыдущий год этот показатель составил 16,8).²² Речь идет в первую очередь о разрывах в качестве жизни, в возможностях доступа к ресурсам развития человека.

Проблема наличия соответствующей политической воли для постановки задач экономической, *социальной и политической модернизации* давно уже стала «общим местом». Однако представляется, что *широкая общественная дискуссия вокруг повестки дня национального проекта развития* могла бы стать определенным рычагом давления на власть (хотя такие возможности не стоит и переоценивать).

Научно-экспертная дискуссия могла бы стимулировать и появление соответствующего запроса со стороны государства и других заинтересованных во взаимодействии с бизнесом участников (стейкхолдеров) на *системное видение социальной ответственности* и продвижение соответствующих практик как *одного из механизмов реализации такого проекта*. Однако выстраивание «обратной связи» между основными субъектами развития – государством, бизнесом, представляющими общественные интересы группами гражданского общества - остается задачей с несколькими неизвестными. Еще на рубеже 2000-х гг. доводилось писать о низком уровне артикуляции и собирания социальных интересов в российском обществе.²³ Эта тенденция сохраняется до сих пор, в то время как динамика политической ситуации свидетельствует о консолидации интересов групп политико-экономической элиты и бюрократии.

Новые элементы институционализации отношений государства и бизнеса (запуск работы Президентской комиссии по модернизации экономики, «оформление» присутствия представителей РСПП на заседаниях правительства), целевые государственные программы по развитию моногородов, активизация диалога в рамках региональных экономических форумов (Пермь и др.) позволяют говорить о том, что идут поиски форм взаимодействия в организации государственно-частного партнерства. Представители бизнеса демонстрируют оптимистический настрой: так, по мнению М. Прохорова, бизнес и чиновники

²² Министерство экономического развития РФ. Об итогах социально-экономического развития РФ в 2009 г. М., 2010, с. 39 - http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/monitoring/doc20100203_01

²³ См. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и российское государство. М., 1999.

начинают «слышать друг друга». Причем «согласованность решений касается не только вопросов раздела собственности,... а направлена именно на строительство нового – новых изобретений, новых рынков, новых заводов», и это тоже новый поворот.²⁴ Однако если абстрагироваться от публичной риторики вокруг потенциала и приоритетов инновационного развития России, то судить об оценке эффективности такого взаимодействия рано. В бизнесе инновационные инициативы зачастую переводят компанию в «группу риска». Тактика «инновационного понуждения» крупного бизнеса, о котором говорят представители государства,²⁵ требует эффективных механизмов обратной связи между государством и бизнесом и *целенаправленного стимулирования инновационных проектов в контексте модернизационного развития*. Вряд ли она может быть сколько-нибудь эффективной, если ее сводить к кулуарным договоренностям и практике раздачи средств приближенным компаниям, пусть и для реализации привлекательных инновационных инициатив. А проблема невостребованности инновационных идей российским бизнесом уже давно стала одной из болевых точек современного развития России. Отсутствие такого интереса - не только прямое следствие пресловутой голландской болезни, но и результат институционального отторжения стратегии социальных изменений, их несовпадения с индивидуальными жизненными стратегиями «успешных» людей.

В повестке дня публичного обсуждения этих проблем просматривается обращенный к небольшой части общества *инновационный дискурс, формирующийся вне и отдельно от контекста российской модернизации*. Проект создания «Кремниевой долины» в ближнем Подмосковье – показательный пример такого подхода – и в том, что касается самой идеи строительства высокотехнологичного оазиса почти «с чистого листа», и по характеру развернувшейся вокруг него дискуссии: в контексте столкновения политических интересов аргументы научного сообщества не находят в ней должного отклика. В русле альтернативных подходов обсуждается проект создания инновационного комплекса в Сибири на базе Новосибирского Академгородка (и под патронажем «Единой России»).

Наряду с научно-прикладными (технологическими и внедренческими) результатами важны и показатели долгосрочной эффективности таких проектов. И в рамках осуществления *программы* модернизационного развития едва ли не более значимой становится их способность воспроизводить и наращивать восприимчивую к инновационному развитию среду и посылать соответствующие импульсы обществу. Иначе им грозит судьба очередных «оазисов в пустыне» наподобие тех, что образовались вокруг новых промышленных предприятий на Юге Италии в 1960-1970-е гг., когда таким неэффективным образом (и при высоком уровне коррупции со стороны представителей правившей долгие годы Христианско-демократической партии) осваивались государственные средства, выделенные на развитие Юга.

Уровень образования населения в России не дает оснований делать прямые сравнения, однако *системный запрос* на новые технологии и новые социальные практики рождается на уровне восприимчивых к обновлению институтов. Тем более что *модернизация и инновационное развитие – разноуровневые понятия*, сталкивающие два вектора – один, направленный на обновление широкого спектра институтов в соответствии с задачами развития, и другой, ориентированный на внедрение качественно новых ресурсов и технологий – основы инновационной экономики.²⁶ Модернизация институциональной среды и создание благоприятного

²⁴ Эксперт, 2010, №2 (688), с. 21.

²⁵ Ведомости 6.02.2010.

²⁶ О противоречии в понимании модернизации как инновационного пути развития и всеобъемлющей модернизации, конфликтности модернизации и инноваций см. Теория и политика инновационного развития и инновации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и ИС РАН - Полис, 2010, №2, с. 128 - 145.

социального климата задают вектор инновационного развития. В условиях же демодернизации, которая захватила Россию в последние десятилетия, островки инновационного роста рискуют превратиться в пресловутые «оазисы в пустыне». Неслучайно в рейтинге 40 стран и регионов мира по развитию инноваций Россия в начале 2009 г. заняла, согласно оценкам Фонда информационных технологий и инноваций, 35 место.²⁷

В нынешней дискуссии вопрос об уровнях реализации модернизационных программ и об инструментах управления ими оказывается едва ли не ключевым. Именно на уровне территорий сосредоточен один из потенциальных ресурсов реализации российского модернизационного проекта. Основания так ставить вопрос дают не только и даже не столько объективные пространственные характеристики России, природное разнообразие и сырьевые ресурсы. Речь идет об использовании особых возможностей конкретных регионов для организации разных по наполнению проектов развития и о потенциале взаимного прирастания социокультурного потенциала столиц и провинции, который до сих пор на каждом новом витке попыток запустить в России механизмы модернизации утверждался в логике противостояния.

Организация таких процессов в начале XXI века требует политической воли, новых технологий и управленческих подходов. Так, вокруг центра притяжения на местах могут выстраиваться сетевые структуры по типу производственных, культурно-туристических, транспортных и других кластеров. В числе дополнительных ресурсов развития кластеров, собирающих малые и средние предприятия, российский исследователь И.Б. Левин уже в начале 2000х гг. на основании изучения опыта Италии выделил два: «ресурсы локализма, под которыми понимаются напластования местной истории, культуры, нравов, навыков традиций, систем ценностей» - того, что образует «неявное знание» и позволяет гибко приспосабливаться к новым условиям, и преимущества «симбиоза конкуренции и кооперации».²⁸ В России с известными особенностями ее транспортной и социальной инфраструктуры само крупное предприятие может играть роль ресурсного центра, и такая модель – один из вариантов решения проблемы моногородов. Развитие внутреннего рынка на уровне регионов и групп регионов – один из недооцененных ресурсов не только экономической, но и социальной модернизации. Ресурсы же локализма нуждаются в восстановлении после десятилетий советского опыта, нивелировавшего особенности регионального развития, и первый шаг на этом пути – оценка их потенциала.

Пространственно-территориальное измерение модернизации - один из ключевых пунктов повестки дня того *национального модернизационного проекта*, обоснование которого и является, собственно, ключевым ориентиром, «сверхзадачей» научной и экспертной дискуссии. Именно на уровне территорий между потребностями в модернизации и социальными практиками воспроизводится тот разрыв, о котором страстно писал в свое время еще Н.А. Бердяев. Описывая последствия для развития страны известного «проклятия пространства», он отмечал совмещение в России «нескольких исторических культурных возрастов, от раннего средневековья до XX века, от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры... А жизнь передовых кругов Петрограда и Москвы и жизнь глухих уголков далекой русской провинции

²⁷ R.D. Atkinson and S.M. Andes. The Atlantic Century: Benchmarking EU and US Innovation and Competitiveness - <http://www.itif.org/index.php?id=226>. Рейтинг учитывал 16 индикаторов, отнесенных к 6 категориям: человеческий капитал, инновационный потенциал, предпринимательство, инфраструктура информационных технологий, экономическая политика, экономические результаты. Лидером этого списка стал Сингапур.

²⁸ Левин И.Б. Малые предприятия и великая Россия - «Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации». М., 2003, с. 91.

принадлежит к разным историческим эпохам». Огромные пространства России — «духовный факт в русской судьбе» — требовали выплеска соразмерной задачам модернизации страны социальной и культурной энергии. «Через исторический склад русской государственности сами русские пространства ограничивали всякую ответственную самостоятельность и творческую активность русского человека. И это порабощение сил русского человека и всего русского народа оправдывалось охранением и упорядочением русских пространств».²⁹ В результате консервировался разрыв между центром и провинцией.

Два поколения спустя известный польский социолог П. Штомпка по существу повторил эту же мысль применительно к характеристике развития постсоциалистических обществ. Он указал на сосуществование «отдельных островков современности... и обширных районов, отмеченных архаикой (в отношениях, жизненных укладах, политических институтах, классовом составе и т.д.)».³⁰ И за последние десять лет повестка дня российской модернизации остается неисчерпанной. Энергию инициатив по разработке и представлению инновационного потенциала регионов стоило бы перенаправить в русло *инвентаризации наличных ресурсов модернизации и формирования общественного запроса на неё*.

В решении этих долгосрочных задач перспективным ресурсом остается, несмотря на все перипетии последних лет, российское образование. Будучи до сих пор (хотя и с большими оговорками) скрепой общероссийского культурного пространства, оно может способствовать утверждению позитивной - мотивированной на развитие и на социальное взаимодействие – идентичности. *Формирование позитивной социальной идентичности становится важнейшим условием запуска механизмов российской модернизации*.³¹ Проблема в том, чтобы люди видели свое место в национальном проекте развития. Между тем отмеченный выше разрыв между институциональной средой и потенциалом человека – одна из болевых точек повестки дня российской модернизации. Усилия (самой разной направленности – от реальных заслонов коррупции до просветительских инициатив и стимулирования социальной самоорганизации) по укоренению в обществе правового сознания и консолидации на основе *общественного договора о модернизационном развитии* между основными его субъектами могут создать условия для преодоления этого разрыва.

Михалева Г.М.

РЕПЛИКА

В ситуации, когда 65 % налоговых средств, собранных в регионах изымается Центром, средств на модернизацию на местах не хватает. Для создания обратной связи власти с обществом надо развивать соответствующие каналы, а этого не происходит.

В то же время, не надо недооценивать наше общество. Наше молодое поколение не жило при авторитарных режимах, для него границы фактически открыты. Информационные технологии уже внедрены в самых «медвежьих» островках, сфера блогов, живых журналов у нас развивается даже быстрее, чем в странах Запада. Массовая автомобилизация - еще не свидетельство возникновения у нас современного «среднего класса», но она меняет систему ценностей людей, делает ее более индивидуалистически ориентированной.

²⁹ Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой // Н. А. Бердяев. Судьба России. — М., 1990. — С. 73—75.

³⁰ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996, с. 182.

³¹ См. об этом «Сумма идентичностей». НГ – сценарии, 30.03. 2010; «Полис», 2008, №3.

России не требуются какие-то сверхусилия, чтобы пойти по пути демократизации, достаточно лишь в полном объеме соблюдать собственную Конституцию.

Беляева Н.Ю.

РЕПЛИКА

Проблема субъекта модернизации в Российской Федерации требует большего внимания. Выступавшие отмечали, что импульс модернизации может дать общественный консенсус после шока, властный лидер или некий консолидированный социальный слой (средний класс, буржуазия). Но в России этих движущих сил нет. Помимо них упоминались автовладельцы и блогеры, т.е. социально активное меньшинство. Однако, аналитики «Единой России» уже обратили на него внимание, предлагая включить их в орбиту влияния этой правительственной партии. Но в этом случае данное меньшинство лишится своей субъектности, самостоятельности, перестанет быть институтом гражданского общества.

В отличие от периода перестройки, власти боятся всех форм самоорганизации общественных сил, видят в них угрозу, и в то же время хотят найти в них опору. Едва ли это совместимо с интересами модернизации.

Шейнис В.Л.

РЕПЛИКА

Для каждого времени конкретное содержание модернизационных перемен разное, но при этом есть и нечто общее, что нельзя выразить цифрами роста ВВП на душу населения и даже показателями качества жизни. Это – изменения национального менталитета, глубинные перемены в общественном сознании. В США за последние полвека улучшились многие количественные и качественные показатели, но главное в том, что в этой стране, где 50 лет назад ночное небо озаряли костры Ку-клукс-клана, президентом стал Б. Обама.

В наше время разграничить модернизацию и демократизацию невозможно. А в России XVIII в. преобразования Петра I, если в чем-то и были успешными, укрепляли и расширяли крепостное рабство большинства населения. И в последующие столетия почти каждый шаг на пути материального прогресса (и территориального расширения) сопровождался расширением пространства несвободы.

Конечно, одномоментно изменить жизнь такой большой страны как Российская Федерация невозможно. Но стремление оправдать некий «смешанный вариант» развития, противопоставить будто бы более насущные и осуществимые экономические свободы — политическим отдают лукавством. В наших условиях без политических свобод не будет и полноценной экономической модернизации XXI в. Ибо только давление общества в цивилизованной форме позволит разорвать зловерный симбиоз власти и собственности, ныне главное препятствие на пути модернизации.

Да, для начала перехода от неоавторитарного правления к демократии вновь, как и при Горбачеве, понадобятся сигналы сверху. Но чтобы они поступили — и получили адекватный отклик, - необходимо иное, нежели нынешнее, состояние общества. Наше общество сейчас находится на более низкой ступени самосознания, чем в позднесоветское время. Но нельзя научиться плавать в пустом бассейне.

Нам говорят, что «нельзя ввести демократию указом». Это так. Но для начала надо убрать изменения, внесенные в законодательство и его применение в 2000-е гг. Хотя бы отменить все, что натворили с избирательным законодательством и вернуть свободные, честные, альтернативные выборы. Хоть такие, как были в 1989 и 1990 гг. Это поможет преодолеть пассивность, управляемость общества, выдвинет на арену новые политические силы, яркие личности. Это и будет реальным шагом к модернизации.

Лапкин В.В.

ДИЛЕММЫ И КАЗУСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Наряду с вопросами, предложенными участникам дискуссии изначально, мне представляется, стоит обратить внимание и на другие, возникшие уже в ходе самой дискуссии, порой почти очевидные, но вместе с тем, проблематизирующие базовые аспекты понимания модернизационных процессов.

1) Вопрос об эффективности и модернизационном потенциале «авторитарной модернизации». Вопрос этот не случаен как ввиду широкой распространенности (и исторической, и территориальной) такого типа модернизации, так и ввиду очевидных успехов целого ряда стран, идущих этим путем в последние десятилетия.

Исторически процессы модернизации зафиксированы задолго до зарождения институциональной демократии и становления современных демократических политических режимов. Тем самым значительную часть пути модернизации мир прошел, направляемый авторитарными методами (см. напр. эпоху меркантилизма). Тем не менее, представление об *авторитарной модернизации* возникло как контрастно противостоящее *модернизации*, осуществляемой в условиях демократического политического режима. Очевидно, что задачи, решаемые этими исторически и содержательно различными способами модернизации, также существенно разнятся. Проблема заключается скорее в том, что наличие консолидированной демократии характеризует политику, как правило, уже реализовавшие все основные задачи модернизации и стоящие перед вызовами так называемого постсовременного развития. Тогда как *модернизирующиеся* страны сплошь и рядом еще только решают задачи демократизации, – либо уже обладая некоторыми формальными признаками институциональной демократии, либо пытаясь, с большим или меньшим успехом, культивировать зачатки демократических институтов в условиях авторитарного правления. Более того, сама постановка вопроса о формировании демократических институтов есть веское свидетельство того, что соответствующее общество уже существенно продвинулось по пути модернизации.

Иными словами, условия для «демократической» модернизации (культурные, институциональные и т.д.) изначально отсутствуют, их требуется создавать, причем в условиях, как правило, не предполагающих демократии. Эти условия формируются в ходе внутренне противоречивого и принципиально нелинейного процесса, в том числе и – что неизбежно – с использованием авторитарных практик и инструментов. Безусловно, есть определенное противоречие в том, что «современные» формы создаются «несовременными» средствами. Однако как всякое реальное противоречие, оно выявляет существенную особенность природы модернизационных процессов, их двойственность, сопряжение в них тенденций разрушения старых социокультурных и институциональных скреп общества и созидания новых. Причем, две эти ключевые задачи распределены в ходе модернизации между двумя разными социальными субъектами. Осуществление разрушительной работы вменено, как правило, «просвещенному авторитаризму»,

выполняющему роль своего рода «фермента», разлагающего институты, практики и культуру традиционного общества. Для реализации «созидательной работы» требуется согласованное действие целого ряда социальных субъектов, причем ключевым фактором, обеспечивающим такую согласованность, до настоящего времени остается их ориентированность на западноевропейский «идеальный тип» модерна.

В аспекте этого базового «функционального разделения» ситуация с российской модернизацией, охватывающей гигантский исторический период и демонстрирующей высокую структурную сложность, предстает в новом, может быть неожиданном свете. В силу исторически сложившегося в России практически *абсолютного* доминирования власти (государства) над обществом (структурами социальной самоорганизации), сложилась практика устойчивого отчуждения ресурсов развития (прежде всего – политических и экономических) от общества – государству. Столкновение такой социальной системы с модернизационными вызовами порождает характерное временное «расщепление» двуединой задачи модернизации. На первоначальном этапе усилия концентрируются преимущественно на «разрушительной работе», что закономерно порождает своего рода положительную обратную связь между «успехами модернизации» и усилением стоящей над обществом власти (так наз. *самодержавия*). При этом общество «чахнет», потенциал и ресурсы социальной самоорганизации сокращаются. Когда же дисбаланс между процессами разложения *старого* и процессами созидания *нового* достигает критической (для дальнейшей реализации модернизационного проекта в целом) величины, актуализируется проблема *субъекта модернизации*, а вместе с тем, проблема формирования условий перехода ко второму временному этапу модернизации. Заметим, между прочим, что на этапе «советского» социально-политического эксперимента власть, продвигаясь в решении задач модернизации, вынуждена была попытаться перейти к решению второй ключевой задачи, и для этого начать «создавать общество». Результатом этого стала, как известно, «новая общность – советский народ», со всеми присущими ей специфическими особенностями, в числе которых, кроме прочего, неспособность к самовоспроизведению в отсутствие породившего ее «советского государства». Только крах этих попыток власти выстроить под себя «потемкинскую деревню модернизированного общества» открыли для страны возможность увидеть реальную проблему модернизации во всей ее сложности и полноте. К сожалению, эффект положительной обратной связи (усиление власти ↔ разрушение традиционных социальных укладов) сыграл с Россией злую шутку, заметно ускорив ее движение в XVIII-XIX вв., но резко затормозив его в XX в., особенно к его концу. Проблема преодоления дисбалансов развития и мобилизации общественных сил со всею остротой возникла перед Россией только в последние годы, только после того, как *самой власти* стала очевидна ее неспособность в одиночку решить вторую ключевую задачу модернизации, задачу создания институциональных скреп современного общества. Именно в этой ситуации происходит сегодня резкая актуализация проблемы качественного обновления национального проекта модернизации, сопряжения модернизационных усилий с усилиями по формированию условий и ресурсов эффективного инновационного развития.

2) Вопрос о соотношении *модернизации* и *индустриализации*. Является ли последняя необходимым элементом и условием первой, можно ли называть современным общество, не прошедшее стадию *индустриализации*?

Исторически эпоха индустриализации стала важным этапом модернизации западноевропейских обществ, охватывая весь XIX в. и по большей части – первую половину XX в. Эта эпоха решала целый ряд ключевых задач модернизации,

сопряженных с формированием коммерциализированного (рыночного) общества и универсального рыночного механизма, распространяющего свой контроль не только на движение товаров (в классическом смысле), но и на ключевые факторы индустрии, образующие «саму субстанцию общества» (по К.Поланьи) – труд, землю и деньги. Следствием этой трансформации стали эффекты урбанизации, повсеместного роста уровня образования, демографического перехода (сначала для отдельных индустриализирующихся стран, а затем и глобального), наконец, глобализации как таковой. Вплоть до последнего времени (условно – до конца 1980-х годов) индустриализация считалась неперенным условием для вхождения в «клуб современных государств». Вместе с тем, процессы глобализации 1990-х – 2000-х годов сформировали принципиально иные модели общественного развития, предполагающие глубокую пространственную и функциональную дифференциацию процесса индустриализации, радикально меняющую характер его воздействия на общество. Так, для многих густонаселенных стран исламского мира, Африки и Латинской Америки механизм индустриализации в значительной мере как бы «вынесен вовне». Он предполагает интенсивные потоки трудовой миграции из этих стран в располагающие «избыточной» индустриальной инфраструктурой страны Запада (отчасти в этой роли выступает сегодня и Россия – в отношении стран СНГ, обеспечивающих потоки трудовой миграции). При этом не следует упускать из виду тот факт, что подобная «миграционная индустриализация» решает многие принципиальные задачи модернизации стран, формирующих миграционные потоки, преобразуя их культуру, социальные, политические и экономические институты, вовлекая в глобальные процессы, распространяя универсальные ценности и практики современного мира. Иную модель индустриализации демонстрируют страны Юго-Восточной и Восточной Азии. Здесь «миграционная индустриализация» также имеет место, но решающую роль играют иные формы, прежде всего – предполагающие глубокое функциональное разделение 1) *организации* собственно *индустриального производства* (здесь чрезвычайно эффективно используются ресурсы «традиционных ценностей» соответствующих обществ) и 2) его *финансового, бытового и технологического обеспечения* (здесь контроль по преимуществу останется в руках бизнес-структур Запада). Что же касается самих западных стран, то каждая из них (включая и такие как Люксембург, Швейцария или Финляндия) в свое время прошла стадию индустриального общества. Все они, в той или иной мере, сохраняют индустриальный сектор, но индустрия не определяет сегодня общие принципы организации их обществ, оставаясь эффективно действующим сугубо функциональным, вспомогательным элементом социальной структуры.

3) Как же при этом соположены *модернизация* и *капитализм* в истории и в социальной практике? Обострение в последнее время (новая актуализация) дискуссий о *кризисе капитализма* и исчерпании потенциала капиталистической модели развития общества неслучайно. Понятие *капитализм* исторически сращено с атрибутом *промышленный (индустриальный)*. Завершение эпохи индустриального общества закономерно ставит перед нами дилемму: либо капитализм обретет новый ключевой атрибут (став, условно, *постиндустриальным*), либо ему на смену придет иной тип общественного развития (неясно, правда, какой). В любом случае очевидно, что поиск ответа на поставленный вопрос понуждает к более глубокому и внимательному проникновению в смысл понятий *модернизации* и *капитализма*. И если относительно второго здесь можно ограничиться указанием на ключевую характеристику *накопления*, ставшего самоцелью и имманентной движущей силой *капиталистической системы* и превращающей все, что втягивается в структуры рыночного обмена, в капитал (не только товарное богатство, овеществленный труд,

землю, деньги; теперь мы имеем дело с политическим капиталом, социальным, человеческим, репутационным и т.д. – вроде бы лишь о культурном пока еще речи нет, да и то, кто знает), то первое, как основной предмет настоящей дискуссии хотелось бы обсудить особо.

1. Итак, в чем же заключается основное содержание модернизации: она есть *переход от традиционного общества к современному ИЛИ движение, однократно начавшееся, но незавершенное в принципе?* В первом случае естественно различие (наряду с традиционными, если подобные еще обнаруживаются) обществ модернизированных и не вполне модернизированных (переходных); при этом ключевое значение приобретают критерии, по которым можно судить о состоявшемся переходе из категории переходных (модернизирующихся) в категорию модернизированных. (Заметим в скобках, что и по сей день последние представлены почти исключительно странами Западной Европы и странами, возникшими на территориях западноевропейских переселенческих колоний). Во втором случае рубежным, «судьбоносным» оказывается, по существу, решение (самостоятельное или навязанное извне, неважно) о вступлении на путь модернизации; именно оно вводит то или иное политическое сообщество в «клуб идущих по нескончаемому пути модернизации». Оставляя за пределами рассмотрения такие важные сюжеты как критерии и цели модернизации, требования к *качеству элиты* и т.п., заметим, что сформулированная выше дилемма не имеет единственного конвенционально признаваемого решения, а выбор, основанный на индивидуальном предпочтении одного из двух предложенных толкований, приводит к принципиально различному пониманию сути и перспектив происходящих преобразований. В одном случае модернизация понимается как определенная эволюционно-историческая задача, – в ряду других задач, тех, что решались обществом на более ранних исторических этапах, а также тех, которые будут решаться им в будущем, обеспечивая тем самым условия для его развития. В другом случае мы имеем дело со своего рода логикой «конца истории», который в данном случае отнесен к моменту вступления того или иного общества на путь модернизации: с этого момента начинается бесконечное восхождение к никогда не достижимой цели.

2. Как соотносятся *модернизация* и *вестернизация*? Одно ли это и то же? Если да, то почему сосуществуют два термина? Если нет, то есть ли примеры *модернизации* без *вестернизации* и, соответственно, *вестернизации* без *модернизации*? Эта дилемма заключает в себе серьезные риски, с которыми сталкиваются модернизирующиеся общества, риски двоякого рода. С одной стороны, попытки выработать свой «особый» путь модернизации, ревизующий западноевропейский опыт, чреватые перспективой изоляционизма, технологического и культурного и, в конечном счете – фатальным отставанием от лидеров мирового развития. С другой стороны, внедрение сформированных в условиях западной демократии институтов и практик в чужеродную для них социокультурную среду незападных обществ проходит далеко не безболезненно. Успех такой «прививки» до последнего времени был обусловлен радикальной сменой социокультурных кодов, в результате чего национальное сообщество зачастую лишалось собственных, уникальных ресурсов развития. Однако стоит обратить внимание на принципиально не-вестернизационный характер процессов, набирающих силу в Восточной и Юго-Восточной Азии. Формирующаяся там в последние десятилетия модель развития претендует на то, чтобы предложить миру XXI века наиболее эффективные образцы модернизации, в своей культурной основе во многом альтернативные классическим, западноевропейским.

3. Темпоральный аспект *модернизации* также может быть сведен к своего рода дилемме: модернизация может пониматься либо как *кратковременное*

качественное изменение (институтов, ценностей, практик, культуры), либо как *протяженная последовательность качественно различных исторических этапов*, необходимых для преобразования социального организма. В последнем случае темп и результат изменений, если они уже начались, в существенной степени зависят от прочности, ресурсной оснащенности и исторической укорененности того общества, которое вступает на путь модернизации. Причем слабое, ресурсно неоснащенное и исторически несформировавшееся общество получает зачастую серьезные преимущества в сравнении, например, с обширной исторической империей, особенно, если модернизация здесь иницируется и осуществляется при направляющем давлении извне, как, к примеру, это реализовывалось в большинстве бывших островных колоний Британской империи. Напротив, великие континентальные империи и их периферии (как бывшие ранее под колониальным игмом Европы, так и формально сохранявшие независимость) систематически сталкиваются в процессе модернизации с колоссальными затруднениями (см., например, казусы Турции, Индии, Пакистана, Ирана, Китая, России), что связано, в том числе и со сложностью задачи демонтажа присущих им традиционных институциональных и социокультурных механизмов интеграции.

Представления о модернизации предполагают, как правило, *универсальность* этого явления в современной общественной жизни. Однако речь при этом идет об *универсальности* условной «конечной цели», которой является формирование современного общества, устойчиво воспроизводящего необходимые и достаточные условия саморазвития. Вместе с тем, каждый *реальный казус* модернизационных преобразований уникален и характеризуется особенностями исходного состояния общества, вступающего на путь модернизации (как институционального, так и социокультурного, ценностного и т.д.), а также уникальной траекторией модернизационного процесса, социальных механизмов (практик) и средств, с помощью которых этот процесс осуществляется.

Траектория модернизации, как правило, охватывает достаточно протяженную историческую эпоху, состоящую порой из целого ряда стадий, различающихся интенсивностью и результативностью социальных преобразований, включая периоды попятного движения (частичной – в той или иной степени и по тем или иным направлениям – демодернизации).

Так, в частности, для России, о чем, отчасти, уже шла речь выше, процесс модернизации, начало которого, с известными оговорками, можно обозначить периодом реформ В.В.Голицына и Петра I, продолжается уже более трех веков, сопровождается колоссальными потрясениями, перемежающимися социальными катастрофами и новыми рывками преобразований, но до сих пор так и не завершен. Россия – своего рода рекордсмен по длительности существования в условиях и по сей день незавершенной модернизации, императив которой был воспринят российскими элитами еще в конце XVII в. У российской модернизации есть своего рода второе имя, более адекватно передающее существо проблем, с нею связанных. Имя это – «особый путь» развития. Важнейшая из проблем, обуславливающих столь мучительное историческое продвижение страны по пути модернизации, – перманентный и неодолимый конфликт интересов общества и власти в процессе преобразований. Интерес общества – сохранение собственной культурной и цивилизационной идентичности и возможностей контроля за ходом модернизационных процессов в своей стране. Интерес власти – эффективность преобразований, отвечающих потребности роста государственной мощи адекватно внешнеполитическим вызовам Современности и обеспечивающих формирование соответствующих механизмов мобилизации внутривнутриполитических ресурсов страны. Условием эффективной модернизации является способность общества и власти

достигать взаимоприемлемых компромиссов на этом поприще, а значит – быть друг другу достойными партнерами. В России – на всем протяжении соответствующего исторического периода – реализации такого условия не наблюдалось.

Реформы Петра I стали по сути «родовой травмой» российской модернизации. В условиях, когда общество, подвергшееся перед этим в периоды опричнины, смуты и раскола жесточайшим погромам, оказалось бессильным и безгласным пред властью (вспомним хотя бы участь стрельцов), модернизация не могла начаться и проводиться в иных кроме как насильственных формах и – что самое драматичное по своим эволюционным последствиям – путем разложения самобытной российской культуры и многих ключевых элементов национальной (православной) идентичности – и замещения их (прежде всего в среде дворянства) заимствованными на Западе культурными и идентификационными образцами. Вестернизация – таково стало наименование всех социокультурных приложений российского модернизационного проекта на несколько столетий вперед. Однако осуществлять этот проект взялись не «чужеземные цивилизаторы» (как, например, в Индии) и не компрадоры (как в Китае), а сама *российская власть*, высшей внутренней ценностью которой всегда оставалась ее суверенность (так наз. принцип *самодержавия*). Каждый новый пароксизм модернизации, начинающийся «оттепелью», послаблениями и свободами, оживлением «общественных сил», расширением сферы приватности и пробуждением частной инициативы, закономерно завершался глубоким разочарованием общества в «свободе», а власти в «подданных», вел к торжеству «казенного интереса», погрому общественных инициатив и самих основ общественной жизни, а в конечном счете – к политической реакции и экономическому застою. Последовательность таких, по сути, не имеющих аналогов в мировой практике волн модернизации и составила содержание российской истории последних трех столетий. Каждая такая новая волна усиливает потребность в полноценной модернизации, в то время как конгломерат нерешенных и все обостряющихся проблем обуславливает с каждым разом все более форсированный вариант модернизационных преобразований.

Даже крах СССР не смог положить конец движению по этой драматической траектории, став лишь началом мучительного процесса освоения российским обществом политического пространства государства-нации, формирующегося на руинах империи. Вестернизаторская – как и все предшествующие – по своему культурно-цивилизационному потенциалу и последняя на сегодняшний день волна российской модернизации (инициированная горбачевской перестройкой) закономерно втянула страну в очередной кризис ее модернизационного проекта.

Упорное сопротивление фундаментальных основ самобытной российской цивилизации органичному восприятию модернизирующих ее импульсов создает реальную угрозу окончательного «выпадения» России из общемирового процесса (тем более что, упорно продвигаясь по пути симуляции институтов *Modernity*, Россия давно уже «сожгла мосты», связывавшие ее с патриархальной простотой прошлого). Безусловно, усиливающийся кризис России, вновь столкнувшейся с, казалось бы, непреодолимыми препятствиями на пути политической модернизации, должен послужить серьезным уроком и предостережением ее общественным силам, строящим планы очередного российского «прорыва к Современности». Вместе с тем, представляется, что на этот раз необходимо выработать действенный механизм сопряжения императивов модернизации и глобализации с сохранением основ социокультурной специфики российского общества.

Можно заключить, что модернизация, переход от традиционного общества к современному, представляет собой совокупность важнейших процессов качественного преобразования социальной и политической системы, в результате

которого эта система повышает свои адаптационные возможности и переходит на новый, качественно более сложный режим развития. В настоящее время становится все более очевидно, что адекватное теоретическое описание подобного качественного преобразования, не может быть реализовано исключительно в категориях линейно-поступательного развития. Исследование причудливой, часто зигзагообразной траектории освоения современных форм политической организации (включающей и модернизационные откаты, повороты к антимодернизации) побуждает к развитию методологии анализа нелинейных процессов трансформации социально-политических систем. Не менее очевидно и то, что исключительная ориентация на западноевропейский «идеальный тип» модернизации утрачивает релевантность задачам современного развития. Проблема развития в мире XXI века существенно усложняется.

ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Садовая Е.С.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ РЕФОРМ, КАК ПРЕДПОСЫЛКА УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА В РОССИИ

Модернизация представляет собой более или менее естественноисторический процесс, имеющий своим результатом формирование общества нового качества (в экономическом, политическом, социальном отношении). Преобразования могут носить характер конфликта или проходить относительно безболезненно для общественного развития, однако, в любом случае речь вряд ли может вестись об осуществлении неких умозрительных проектов, не имеющих комплекса сформировавшихся предпосылок в основе своей реализации. Именно это и делает общественные преобразования неотвратимыми. Такими предпосылками являются созревающие в недрах старого общества новые общественные интересы, получающие в дальнейшем институциональное оформление. Затем возникают механизмы реализации этих интересов и их взаимодействия друг с другом. Завершающим этапом становится законодательное закрепление сложившихся de-facto правил игры. Попытки проделать весь этот путь в обратном направлении (от институтов к складыванию общественных интересов), при условии, что социальные предпосылки еще не созрели (то есть, не сформирован общественный запрос на модернизацию), обречены, на наш взгляд, на провал.

Собственно наш совсем недавний исторический опыт свидетельствует, что создание законов и институтов отнюдь не обеспечивает коренного изменения общественных отношений именно в том направлении, в каком это задумывалось изначально: создание института частной собственности не привело не только к социальной ответственности бизнеса, но даже не позволило сформироваться классу эффективных собственников; обретение обществом возможности выбирать власть не способствовало тому, чтобы власть эта (на любом уровне) стала социально ответственной; создание формальных организационно-правовых рамок коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений не сделало их цивилизованными, напротив, ухудшило качество трудовой жизни для большинства занятых. При этом именно нерешенность основных задач преобразования общества на протяжении предыдущих 20 лет актуализирует эти задачи вновь и вновь.

Таким образом, тема необходимости и неизбежности модернизации России возникла именно «здесь и сейчас» отнюдь не случайно – неэффективность сложившейся в России социально-политической и социально-экономической

системы вызывает серьезные опасения у правящей элиты (во всяком случае, части ее) и пока еще скрытое недовольство населения, усиливая социальные риски для стабильности современного российского общества. Однако можно ли это недовольство трактовать как реальный запрос на модернизацию, то есть, как недовольство именно незавершенностью начатых преобразований в задуманном направлении? Или же эти опасения и недовольство связаны с тем, что экономика страны (в том виде, как она сложилась к настоящему времени) не в состоянии решить внешнеполитические задачи и задачи сохранения сложившегося уровня социальной защиты населения? *От ответа на эти вопросы зависит, будут ли дальнейшие изменения в стране лежать в той же плоскости, что и в тех странах, которые мы называем развитыми и России предстоит реализовать догоняющий сценарий, что в итоге должно привести к модернизации.* Можно ли вообще говорить об универсальных подходах к модернизации, а еще шире – о всеобщем характере общественного развития? И в этой связи важно понять – в чем секрет успеха реформ, проводившихся в других странах и приведших к успеху модернизации? В авторитарности/неавторитарности методов осуществления реформ или в правильном (адекватном) целеполагании и выборе средств достижения поставленных целей? Ответ на этот вопрос, скорее всего, будет следующим – для каждой страны существует свой уникальный сценарий модернизации, который вряд ли подлжет тиражированию и успешность такого развития определяется именно адекватностью общественному запросу (возможно не всегда артикулируемому) ставящихся целей и средств их достижения.

В том случае, если объявленная в России «модернизация» не является очередной идеологической кампанией в духе «догнать и перегнать Америку» или «перестройки и ускорения» начального периода, она должна рассматриваться как некий реальный проект, включающий постановку целей, создание механизмов реализации, разработку критериев оценки, а также определение цены осуществления проекта. Основным условием успешности, как уже отмечалось выше, является наличие в обществе сформированного частью этого общества запроса на модернизацию. В условиях, когда такого запроса нет, речь, по нашему мнению, можно вести скорее не о модернизации, а об осуществлении реформ, направленных на формирование предпосылок модернизации и преодолении рисков, связанных с такими преобразованиями.

Важнейший исходный пункт – формулирование целей реформ не в ключе, «чтобы все были богаты и здоровы», а в постановке конкретных целей, достижение которых можно проконтролировать, а также определение четкого набора критериев, по которым можно судить об успешности проводимых преобразований. С постановкой целей общественного развития для России на ближайшее будущее и наблюдаются не просто проблемы, но значительные противоречия. Пока не совсем понятно, должна ли в итоге модернизации (реформ, преобразований) Россия стать «сверхдержавой», страной, входящей в «восьмерку», «двадцатку» или страной, в которой комфортно будет себя чувствовать население. Именно от ответа на этот вопрос зависит и формирование социальной базы модернизации, поскольку невозможно представить себе ситуацию, при которой от реформ в выигрыше останется все население, во всяком случае, в краткосрочной перспективе. Действительно, полнейшей утопией было бы предполагать, что сколь-нибудь значительные преобразования могут пройти без потерь, причем различного рода для разных социально-демографических групп населения. Цель реформ должна быть действительно ясной и приемлемой для *значительной* части населения, во всяком случае, должны существовать группы, осознающие необходимость преобразований и понимающие, что они получают в итоге этих реформ, и какую цену

за это заплатят. Этапы продвижения в нужном направлении должны поддаваться общественному контролю.

При этом политические реформы бессмысленны без экономических и не могут выступать в качестве самостоятельной цели модернизации. Более того, без создания социально-экономических предпосылок – складывания тех слоев общества, которые смогут создать реальный запрос на демократизацию - результатом проведения свободных выборов на региональном уровне может быть криминализации власти в отдельных регионах. Не слишком ли высокой будет цена такого «социологического опроса»?

Если же демократизация является средством, то достижению какой цели она служит? Возможно, эти цели лежат в экономической плоскости и Россия должна занять определенное место в мире по объему ВВП, или по темпам экономического роста, или по объему ВВП на душу населения? Может быть для нас важно, какая часть ВВП производится в наукоемких, технологичных секторах экономики, как об этом говорил Д.Медведев: «Как только значительная часть наших доходов будет создаваться не за счет экспорта энергоносителей, ну хотя бы в пропорции там 30-40 процентов, это уже будет означать, что мы живем в другой экономике и в другой стране»?

Но вероятно также, что эти цели будут лежать в социальной плоскости и могут рассматриваться в рамках «подхода на основе роста благосостояния», провозглашаемого МОТ, и предусматривающего «усиление социальной справедливости в сфере распределения доходов как мерилу эффективности управления» и формирования на этой основе среднего класса?

Или в качестве цели реформ будет выступать «качество жизни» в стране? Важно также определить, что это такое – рост качества жизни? Доступность медицинского обслуживания, образования, других социальных благ? Возможно, целью реформ будет увеличение продолжительности жизни, как некий интегральный показатель ее качества? Тогда необходимо определить на какую величину, и за какой срок.

Пока внятная цель даже экономических реформ не ставится не только «сверху» - властью, но и «снизу» (гражданским обществом, бизнесом).

Не менее важен вопрос о средствах на модернизацию. Вряд ли можно осуществить серьезные преобразования, опираясь исключительно на внутренние ресурсы (инвестиции и технологии), тем более что российский бизнес не очень-то стремится вкладывать в экономику страны «длинные деньги». Следовательно, должны быть созданы соответствующие институционально-законодательные рамки для привлечения инвестиций отечественных и зарубежных (как это сделано, например, в Китае). Ориентация при проведении экономических реформ исключительно (или в основном) на развитие экспорта также вряд ли возможна, так как экспортноориентированные отрасли (будь то экспорт энергоносителей или высоких технологий) – это низкотрудоемкие отрасли, обеспечивающие занятость не такой уж значительной части населения. Где будет занято остальное население, и на какие средства оно будет существовать? Таким образом, главной задачей экономических реформ должно стать создание экономики, ориентированной в основном на внутренний спрос, который также предстоит сформировать.³² Пока низкая покупательная способность значительной части населения и диспропорции,

³² кстати, одним из уроков экономического кризиса стало то, что меньше других от него пострадали те экономики, которые были сориентированы именно на внутренний спрос (Германия, Китай). В этом случае у национальных правительств оказывается гораздо больше средств для преодоления его последствий.

складывающиеся в области доходов населения и оплаты труда, не позволяют этого сделать.

Глубина экономических преобразований, которые необходимо осуществить (некоторые отрасли предстоит создать практически «с нуля», причем не только в инновационном секторе, воссоздав индустриальную базу на новом уровне), весьма значительна. Именно поэтому так важно понять, какие слои и группы российского общества заинтересованы в подобного рода преобразованиях. Такие оценки без специальных исследований могут носить лишь умозрительный характер. Очевидными нам представляются следующие моменты.

Во-первых, политические партии в России – пока скорее способ реализации карьерной стратегии или интересов развития бизнеса отдельных людей, а не выражение общественного интереса. Гражданское общество на данный момент сильнее, как протестное, нежели созидательное в масштабе всего общества, реализуемые проекты носят чаще всего достаточно локальный характер.

Во-вторых, российский бизнес так и не стал движущей силой экономического развития страны, у него нет ни внешних, ни внутренних стимулов к модернизации даже в технико-технологическом понимании этого процесса. Предлагаемые преобразования сводятся к «комсомольским поручениям» властей олигархам реализовать отдельные амбициозные проекты, мало что общего имеющие с экономическими реформами, а тем более с модернизацией. Малый и средний бизнес (особенно в регионах) вполне «вписался» в существующую систему, он достаточно тесно связан с региональными и местными властями.

В-третьих, структурные реформы неизбежно приведут к ухудшению положения значительной части населения, во всяком случае, в краткосрочной перспективе, поскольку сама глубина экономического отставания страны от развитых стран потребует для ее преодоления мобилизации огромных финансовых ресурсов при одновременном «развязывании рук» бизнесу, ослаблении налогового давления, создании условий для резкого повышения инвестиционной активности. Возможно ли в этих условиях продолжать осуществлять социальную политику, даже в прежних, весьма недостаточных масштабах? Вряд ли.

Кроме того, структурные преобразования угрожают стабильности положения значительной части занятого населения, которое в силу многих причин может оказаться недостаточно конкурентоспособным в условиях модернизированного рынка труда. При этом отсутствие в стране транспортной инфраструктуры, реального рынка жилья, адекватной современным вызовам системы образования и переподготовки делают такую нестабильность совсем уж угрожающей для многих сотен тысяч россиян. Изменение же ситуации требует слишком много времени. И отнюдь не случайно даже весьма скромные (если не сказать куцые) попытки осуществления структурных преобразований наталкиваются на серьезное сопротивление, совсем даже не чиновников, а населения.

В-четвертых, за предшествующие годы, к сожалению, во многом исчерпан запас доверия к реформам и реформаторам. Необходимо долго и подробно объяснять, что дело не в реформах как таковых, а в неудачном осуществлении «прекрасных замыслов».

Таким образом, в настоящее время в России нет класса или группы, осознанно заинтересованных в модернизации. Крупный бизнес уводит капиталы из России, демонстрируя тем самым неверие в возможность реализации бизнес - проектов внутри страны; мелкий и средний, особенно в регионах, «сращен» с местными и региональными властями, следовательно, заинтересован в сохранении существующей ситуации. Значительную часть наемных работников перемены пугают, поскольку по опыту известно, что они не несут в себе ничего хорошего.

Кроме того, отсутствуют реальные каналы повышения конкурентоспособности на рынке труда. Пока модернизация, равно как и реформы выглядят как нечто внешнее по отношению к людям, которые должны быть носителями идеи модернизации. Фактически в модернизации может быть заинтересована лишь часть элиты, не получившей или лишившейся доступа к власти и доходам, но эта часть элиты заинтересована скорее не в реформах, а в перераспределении власти в рамках прежней парадигмы развития.

При этом понятно, что задачи, которые перед страной стоят, требуют глубоких экономических и политических перемен, поскольку та модернизация, которая в настоящее время осуществляется в мире, предполагает широкое «соучастие» в ней значительной части общества. Каким же образом может быть разрешено реально существующее противоречие – что осуществлять сначала политические или экономические преобразования? Скорее всего, попеременно – некоторые экономические преобразования могут привести к складыванию среднего класса и гражданского общества, которое и сформирует общественный запрос на политическую модернизацию. Иначе мы раз за разом, проводя некие преобразования, будем в итоге получать слегка подретушированную старую систему (это выглядит как металл с запоминающими свойствами – можно как угодно трансформировать, но в итоге он примет прежнюю форму). Таким образом, сейчас на повестке дня стоит не модернизация в ее классическом понимании, речь, наверное, лучше вести о реформах, которые с экономической точки зрения запускают механизм внутреннего развития, но при этом с социальной точки зрения делают это развитие понятным и приемлемым для подавляющей части населения.

Веденеева В.Т.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ НА РЫНКЕ ТРУДА

Современный этап развития России отмечен поиском новой парадигмы. Во второй половине 1980-х годов это была перестройка и ускорение, в 1990-е – реформы и демократизация. Сегодня одной из самых модных тем общественного дискурса стали модернизация³³ и инновации. По сути, речь идет об одном и том же: доведении до логического завершения процесса реформ. Понятно, что развитие процесс бесконечный, но каждый период имеет свои этапы, а разрыв преемственности (и это показывает исторический опыт нескольких попыток модернизации России) ведет к очередному падению в ту же самую «колею» – как это образно назвал А. Аузан.³⁴

Трансформационные (модернизационные) процессы в современном обществе являются важнейшим фактором возникновения и накопления социального риска.³⁵ Наиболее значимые из них – деиндустриализация, риски, вызванные изменениями,

³³ Под модернизацией понимается совокупность процессов индустриализации, секуляризации, урбанизации, становления системы всеобщего образования, представительной политической власти, усиления пространственной и социальной мобильности, ведущие к формированию современного общества в противовес традиционному (Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006), процесс превращения традиционных обществ, в современные (*modern*) – «модернизации», процесса, который может быть как постепенным, эволюционным, так и скачкообразным.

³⁴ Аузан А. Национальные ценности и российская модернизация: пересчет маршрута (лекция, прочитанная 9 октября 2008 года в клубе — литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру»).

³⁵ Жмайло А. И. Социальный риск как показатель социетальной трансформации современного общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Южно-Уральский государственный университет. 2006. № 21.

происходящими на рынке труда. Это рост безработицы, снижение уровня оплаты труда, в результате чего для многих работников доступ к занятости не гарантирует безбедного существования, социальные проблемы, связанные с присутствием на рынке труда гастрабайтеров и др. В этой связи весьма уместен вопрос о цене модернизации, о том, как оптимальным образом, наиболее быстро, эффективно и с минимумом социальных издержек запустить в оборот ресурсы, которыми реально располагает общество, то есть, как использовать не только энергоресурсы, но и человеческий потенциал.

На характер социально-трудовых отношений негативно влияет *дисбаланс спроса и предложения рабочей силы*, формирующийся в условиях отсутствия сколько-нибудь внятной государственной политики в области занятости. Кризис существенно изменил ситуацию на рынке труда: возросли масштабы и уровень общей безработицы. В III квартале 2009 года численность безработных уже составляла 6 млн. чел, что на 32 % больше, чем в соответствующем периоде 2008 года, а уровень безработицы вырос с 5,9 % до 7,8 %. (по этому показателю безработица откатилась на уровень 2003–2004 годов). В ожидании массовых увольнений правительство достаточно оперативно пересмотрело отдельные параметры социальной поддержки безработных для смягчения социальных последствий начавшегося кризиса. Это, в том числе, повышение уровня пособий, расширение перечня лиц, имеющих право на получение статуса безработного и получение соответствующего пособия от государственных служб занятости, оплату обучения и повышения квалификации и пр. Принятые меры должны были способствовать сокращению разрыва между численностью зарегистрированных и не зарегистрированных безработных. И как показывают данные Росстата, эту задачу частично удалось решить. Если в IV квартале 2008 года доля зарегистрированных безработных в их общей численности составляла только 25,1 %, то в I квартале 2009 года - 28,9 %, а во II квартале - уже 34 %.

Эксперты отмечают неэффективность политики искусственного сдерживания безработицы. Из-за политических ограничений на высвобождение работников, занятых на немодернизированных и неконкурентоспособных предприятиях, оказавшихся убыточными в кризис, в России образовался «навес» скрытой безработицы. В декабре 2009 года он составил 1,9 млн. занятых неполное рабочее время и находящихся в административных отпусках, еще 1,8 млн. человек было занято в 2009 г. на общественных работах. Они почти полностью финансируются из федерального бюджета и в основном обеспечивают высвобождаемых низкоквалифицированной работой по уборке территории предприятий и муниципалитетов. Если сложить все эти виды, суммарно скрытая безработица (около 3,5 млн. человек) и безработица по методологии МОТ (6,2–6,5 млн.), достигают почти 10 млн. человек. Масштабы скрытой безработицы росли весь 2009 год, но такая политика не может продолжаться бесконечно, поскольку увеличение расходов федерального бюджета не сопровождается улучшением ситуации на рынке труда.³⁶

Численность экономически активного населения в феврале 2010 года составила 74 млн. 464 тыс. человек, или более 52 % от общей численности населения страны. 68 млн. 28 тыс. человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 6 млн. 436 тыс. человек – как безработные с применением критериев МОТ (не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю). В феврале 2010

³⁶ *Зубаревич Н. В.* Влияние кризиса на регионы России: мониторинг // Социальный атлас российских регионов – http://atlas.socpol.ru/overviews/social_sphere/kris.shtml

года – по сравнению с февралем 2009 года – численность занятого населения увеличилась на 268 тыс. человек, или на 0,4 %, численность безработных сократилась на 620 тыс., или на 8,8 %, что составляет 8,6 % экономически активного населения (в феврале 2009 года – 9,4 %).³⁷ Вместе с тем, как сообщает пресс-служба Минздравсоцразвития, рост численности безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости, наблюдался в 12 субъектах Федерации, в частности, в Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Республике Марий Эл.³⁸

Средний возраст безработных в феврале 2010 года составил 35,6 лет (в 2008 году - 34,5 лет). Молодежь до 25 лет составляет среди безработных 25,8 %, в том числе в возрасте 15–19 лет – 5,3 %, 20–24 года – 20,5%. Высокий уровень безработицы отмечается в возрастной группе 15–19 лет (32,4 %) и 20–24 года (17,1 %). В среднем среди молодежи в возрасте 15–24 лет уровень безработицы в феврале 2010 года составил 18,9 % (в феврале 2009 года – 20,0 %), в том числе среди городского населения – 16,9 %, среди сельского населения – 23,6 %. При этом около 30 % безработных не имеют опыта трудовой деятельности.³⁹

Аналитики отмечают важную тенденцию: кризис на европейском рынке труда по-разному сказался на группах населения с разным уровнем образования. Больше всех пострадали от кризиса граждане, не имеющие высшего образования. Причем главным образом в таких отраслях, как строительство и автомобилестроение, по которым особенно сильно ударила рецессия. Среди низкоквалифицированных сотрудников безработица за год – с апреля 2008 по июнь 2009 года – выросла особенно сильно: на 2,6 млн. У людей со средним образованием до середины 2008-го занятость росла, но с кризисом около 2,8 млн. таких граждан ЕС потеряли работу. В то же время среди высокообразованных занятость продолжала расти и в кризис: работу за этот период нашли около 1,8 млн. людей.

В России ситуация прямо противоположная. Во время пика кризиса (конец прошлого – начало этого года) работу теряли все, но потом оказалось, что люди со средним образованием находили работу значительно быстрее, чем с высшим. У первых на поиск работы уходило в среднем два-три месяца (до кризиса – три недели), тогда как у людей с высшим образованием – четыре – шесть месяцев (до кризиса – два-три месяца). По мнению руководителя проекта Работа@Mail.Ru А. Владимирской, это объясняется тем, что количество вакансий для людей со средним образованием сегодня на рынке значительно больше. Кризис обнажил неправильную структуру российского рынка труда: лишилось работы множество «лишних» маркетологов, пиарщиков, юристов и подобных. «Сегодня больше востребованы люди не с высшим образованием, а те, кто может создавать какую-то реальную ценность, например, печь хлеб», – говорит Владимирская.

Всего с начала 2010 года Минздравсоцразвития получило информацию о высвобождении работников 79 тыс. 48 организаций из всех субъектов РФ. С начала октября 2008 года общая численность уволенных работников превысила 1,06 миллиона человек, из них было трудоустроено почти 310,5 тыс. человек, в том числе 178 тыс. 87 тыс. – в прежних организациях. Между тем по данным Федерации независимых профсоюзов России, с начала экономического кризиса были уволены около 2 млн. россиян, сообщил председатель ФНПР М. Шмаков на заседании генерального совета ФНПР. По его словам, этот показатель вдвое превышает данные мониторинга Минздравсоцразвития. Профсоюзный лидер отметил, что

³⁷ Росстат. Итоги выборочного обследования населения по проблемам занятости по состоянию на вторую неделю февраля 2010 года // http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/56.htm

³⁸ <http://www.rian.ru/economy/20100412/221271034.html>

³⁹ Занятость и безработица в Российской Федерации в феврале 2010 года (по итогам обследований населения по проблемам занятости) http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/56.htm

уровень общей безработицы в России, рассчитываемый по методике Международной организации труда, превышает показатели 1994 года, когда в стране отмечался значительно больший спад производства. Следовательно, высвобождение рабочей силы происходит более активно, чем в 90-е годы, уверен он. По оценке Шмакова, тенденция роста безработицы сохранится и в перспективе: «Сокращение спроса на труд в Российской Федерации продолжается, поскольку факторы, способствующие снижению безработицы, пока не действуют». По прогнозам ФНПР, дефицит рабочей силы в стране к 2020–2025 годам может составить около 10 млн. человек.⁴⁰

На фоне этих высказываний алармистскими и необоснованными представляются опасения в связи с ростом *внешней трудовой миграции*^{*} как фактора, способного усугубить ситуацию на рынке труда. Так, в проекте трехстороннего соглашения г. Москвы на 2010 год содержится конкретная норма по лимиту на гастарбайтеров на 2011 год. В части обязательств сторон указано, что стороны должны подготовить предложения для утверждения в установленном порядке квоты на привлечение иностранной рабочей силы в городе на 2011 год на уровне, не превышающем 200 тыс. человек. При этом, в прошлые годы трехсторонние соглашения содержали весьма условные упоминания о проведении согласованной политики в области регулирования трудовой миграции. Кстати, квота Москвы на трудовых мигрантов из-за рубежа на 2009 год уже значительно урезана (с 400 тыс. человек до 250 тыс. человек). А в сентябре 2009 года мэр Москвы Юрий Лужков высказывал пожелание сократить квоты до искомых 200 тыс. человек уже с 2010 года. Столичный градоначальник обосновывал свое предложение тем, что московский рынок труда в кризис не развивается, соответственно, новых работников из-за рубежа привлекать не нужно.⁴¹

В 2008 году российские власти уже «урезали» квоты на трудовых мигрантов, правда, несколько экзотическим способом. Постановление правительства, согласно которому квоты на 2009 год должны были вырасти на 3,976 млн. по сравнению с 3,384 млн. годом ранее, в условиях кризиса вызвало серьезный общественный резонанс, и премьер-министр В.В. Путин во время телевизионной «прямой линии» 4 декабря заявил, что квоты будут сокращены вдвое. На 2010 год квота мигрантов в России из-за кризиса была снижена почти вдвое, с 4 млн. разрешений до 1 млн. 300 тыс. «Снижением квот можно отчасти снизить безработицу, но от этой меры будет отрицательный эффект: работодатели лишаются трудовых ресурсов», – сказал в интервью «Газете-ру» заместитель председателя совета Международного альянса «Трудовая миграция» В. Вашенцев, – от безвыходности они будут вынуждены набирать людей не той квалификации, что скажется на их производительности».⁴²

Справедливости ради следует заметить, что не лишено основания утверждение о том, что возможность привлечения иностранных работников из государств с заведомо более низким уровнем жизни (и, как следствие, заниженными требованиями по условиям и оплате труда) на, как правило, неквалифицированные

⁴⁰ Интерфакс - <http://www.newsru.com/finance/17mar2010/fnpr.html>

^{*} Численность трудовых мигрантов, официально привлекаемых для осуществления трудовой деятельности в России, составила в 2008 году 1 млн. 828 тысяч человек. Нелегальная миграция по оценкам Федеральной миграционной службы составляет от 5 до 7 млн. человек. По информации начальника управления миграционного контроля ФМС Александры Земсковой, в 2009 году Россию въехало около 14,5 млн. человек, треть из них въезжали в РФ неоднократно. По состоянию на ноябрь 2009 года в Россию въехало почти 12 млн. человек, выехало около 16,7 млн. 85 % въехавших – люди трудоспособного возраста.

⁴¹ http://www.gzt.ru/megapolis/life_quality/277389.html?from=linksfromsingle

⁴² Газета. ru – <http://www.gzt.ru/topnews/economics/272904.html?from=linksfromsingle>

работы становится тормозом для социального и экономического развития, поскольку вместо технического перевооружения, создания эффективных рабочих мест, соответствующих российским стандартам, работодатели предпочитают использовать дешевую рабочую силу из-за рубежа. Это также является серьезным рискогенным фактором.

Одним из самых существенных негативных факторов, действующих в социально-трудовой сфере России, остается *производственный травматизм*. Несмотря на сокращение за пять лет производственного травматизма с утратой трудоспособности на 38,1 %, в том числе со смертельным исходом – на 15,6 %, в 2008 году на производстве было травмировано более 66 тыс. человек, в том числе около 3 тыс. случаев со смертельным исходом. Удельный вес работников, занятых в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам вырос и составил на конец 2007 года 24,9 %. По прогнозу Минэкономразвития России в ближайшие 10–15 лет в организациях основных видов экономической деятельности почти 14 % работающих будет занято на работах с вредными и (или) опасными условиями труда.

Таблица 1

Удельный вес численности работников, занятых во вредных и опасных условиях труда, по видам экономической деятельности и полу (на конец года; в % от общей численности работников организаций соответствующего вида деятельности и пола)

	В организациях по видам экономической деятельности					
	Добыча полезных ископаемых	Обработка производств	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды ¹⁾	Строительство	Транспорт	Связь
Работали в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда						
2006						
Всего	35,0	24,4	28,0	12,1	26,5	3,0
мужчины	39,6	29,9	32,8	13,6	32,4	5,3
женщины	20,4	17,5	18,3	6,2	13,6	1,7
2007						
Всего	37,9	25,3	29,5	14,0	29,9	2,7
мужчины	42,4	30,8	34,7	15,7	36,2	4,8
женщины	23,1	18,3	19,1	7,0	16,1	1,7
2008						
Всего	39,1	26,8	30,6	14,6	31,4	2,9
мужчины	43,4	32,4	36,0	16,4	37,9	5,1
женщины	24,5	19,4	20,0	7,1	16,9	1,9
Заняты на тяжелых работах						

2006						
Всего	16,0	4,8	6,8	7,1	9,7	0,9
Мужчины	19,5	7,0	9,2	8,2	13,2	1,8
Женщины	4,8	2,2	2,0	3,2	2,0	0,4
2007						
Всего	18,8	6,3	8,1	8,3	10,9	1,4
Мужчины	22,7	8,7	10,9	9,5	14,5	2,9
Женщины	5,9	3,2	2,6	3,2	3,0	0,6
2008						
Всего	20,2	7,2	8,7	9,5	11,6	1,3
Мужчины	24,5	9,6	11,8	10,9	15,4	3,0
Женщины	5,7	4,1	2,7	3,2	3,4	0,6
Работали на оборудовании, не отвечающем требованиям охраны труда						
2006						
Всего	1,5	0,4	0,5	0,1	0,2	0,0
Мужчины	1,7	0,5	0,7	0,2	0,2	0,0
Женщины	0,7	0,2	0,3	0,1	0,1	0,0
2007						
Всего	1,5	0,4	0,6	0,3	0,2	0,0
Мужчины	1,7	0,6	0,7	0,3	0,2	0,0
Женщины	0,8	0,2	0,3	0,1	0,1	0,0
2008						
Всего	1,5	0,4	0,7	0,3	0,2	0,0
Мужчины	1,7	0,6	0,8	0,4	0,3	0,0
Женщины	0,7	0,3	0,3	0,1	0,1	0,0
Заняты на работах, связанных с напряженностью трудового процесса ²⁾						
2007						
Всего	12,7	4,3	6,0	3,3	12,2	1,0
Мужчины	14,1	5,2	7,1	3,7	15,3	1,9
Женщины	7,8	3,1	3,6	1,8	5,3	0,6
2008						
Всего	14,8	5,3	7,0	4,7	14,7	1,2
Мужчины	16,8	6,3	8,5	5,2	18,4	2,0
Женщины	7,9	3,9	4,0	2,2	6,3	0,8

¹⁾ Кроме деятельности по обеспечению работоспособности электрических и тепловых сетей; распределения газообразного топлива.

²⁾ Разработка осуществляется с 2007 г.

Источник: Труд и занятость в России – 2009 (http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_36/Main.htm).

За 2008 год производственный травматизм со смертельным исходом увеличился более всего при добыче полезных ископаемых (на 127 погибших),

причем при добыче каменного угля подземным способом погибли 209 человек (в 2006 году – 54 человека).

Средний уровень заработной платы по стране в 2008 году составлял немногим более трех прожиточных минимумов трудоспособного населения – это, в лучшем случае, воспитание одного ребенка и то в ущерб потребностям самого работника. Довольно распространено мнение, что заработная плата в России низка в связи с низкой производительностью труда и что производительность труда должна расти опережающими по сравнению с заработной платой темпами. Однако при этом не учитывается, что в расчете на единицу затрат на рабочую силу производительность труда в российской экономике в настоящее время примерно в полтора-два раза выше, чем в наиболее развитых странах.⁴³ Так, доля зарплаты в ВВП в России составляет менее 30 % (для сравнения: во Франции и Германии она составляет 50 %, в Швеции – 58 %, в США – 60 %), в отдельных крупных компаниях фонд оплаты труда равен 15 % валового дохода, а в нефтегазовом секторе и того меньше: 5 %.

Серьезным рискогенным фактором является и *чрезмерная дифференциация оплаты труда* по отраслям и регионам, отдельным предприятиям и категориям работников. В июле 2008 года среднемесячная начисленная заработная плата в организациях, осуществляющих финансовую деятельность, составила более 40 тыс. рублей, в сельском и лесном хозяйстве – в пять раз меньше, в обрабатывающем производстве – 39,3 % уровня финансовых организаций (в том числе в текстильной и швейной промышленности – 20,7 %, в производстве пищевых продуктов – 35,2 %).

Работники производственных отраслей, которые должны быть на острие инновационного пути развития (производство машин и оборудования, производство электронного и оптического оборудования), ценятся экономикой и обществом соответственно на 42 и 43 % максимума, достигнутого сферой оборота денег, а учителя и врачи, определяющие качество человеческого капитала в стране на многие десятилетия вперед, – на 26,2 и 31,8 % соответственно. Крайне низкой остается зарплата бюджетников: учителей, работников культуры и науки. Как заявил вице-премьер Александр Жуков, заработная плата учителей сейчас составляет 17 тыс. 400 рублей, однако, это похоже на среднюю температуру по больнице; комментарию на сайте газеты «Труд» настолько красноречивы, что говорят сами за себя:

«г. Дзержинск. В каких конкретно регионах такая средняя зарплата, очень хотелось бы знать. После повышения зарплаты мы стали получать, если работать на износ, всего 12–15 тысяч».

«Это где же такие суммы выплачивают? Знаю точно, что не в Камышине Волгоградской области. Средний заработок учителя составляет 6–8 тыс. рублей, а за классное руководство – 800 рублей! Хотя цены не ниже, чем в Москве! Вот и посчитайте...».⁴⁴

«Я в шоке... моя зарплата 15 тыс. чистыми, и то я считаю, что это мало... рабочий день у нас ненормированный... тащим работу домой... и все время сами учимся... обидно, что государству мы не нужны. Образование разваливается на глазах, хотя на бумагах – все отлично. Кругом бюрократия. Администрация врет начальству, и всех это устраивает. Чиновники, ах, вы где?»

Соотношение между средней начисленной заработной платой и прожиточным минимумом характеризует региональную дифференциацию по уровню оплаты

⁴³ Гимпельсон В., Капелюшников Р., Полетаев А. Российская модель рынка труда и заработная плата // Демоскоп. № 323-324, 3–16 марта 2008.

⁴⁴ http://www.trud.ru/article/04-08-2009/226617_u_rossijskix_uchitelej_vyrosla_zarplata.html

труда. Согласно анализу данных Росстата в Тюменской области этот показатель наиболее благоприятный (7,8 раза), в Санкт-Петербурге он составляет 4,9 раза, в Москве – 4,7 раза, в Московской области – 4,2 раза. В то же время средняя заработная плата в Дагестане всего в 2 раза превышает прожиточный минимум, в Республике Алтай – в 2,1 раза, Ивановской области – в 2,5 раза. В то же время продолжает расти *коэффициент дифференциации доходов* между наиболее и наименее обеспеченными членами общества, названный одним из экономистов коэффициентом ненависти. Треть всех российских доходов получают богатые россияне, которые составляют 10 процентов от всего населения страны. Бедных граждан (доход менее 1500 руб. в месяц) в стране ровно столько же – 10 %. В 2007 году на долю 20 % наиболее обеспеченных граждан приходилось 47,8 % доходов, а на долю 20 % наименее обеспеченных – 5,1 %. При этом среднегодовой темп роста реальных доходов 10 % самых обеспеченных на протяжении ряда лет по некоторым оценкам почти на четверть превышает темп роста ВВП. Статистические обследования фиксируют ситуацию, при которой более половины фонда оплаты труда устойчиво приходится на 20 % наиболее высокооплачиваемых работников. Основа этой группы, как правило, управленческий персонал, степень высокой квалификации которого, зачастую, не подтверждается показателями эффективности работы предприятий. На этом фоне создается напряженность в коллективах и в обществе в целом.

Не менее опасным рискогенным фактором являются *задержки в оплате труда* – наиболее грубое нарушение прав в сфере труда, фактически насильственное кредитование бизнеса работниками по минимальным ставкам, а порой беспроцентное или даже безвозвратное. На 1 марта 2010 года по сведениям организаций (не относящихся к субъектам малого предпринимательства) задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности составила 4118 млн. рублей и по сравнению с 1 февраля 2010 года практически не изменилась⁴⁵.

В целом за 2009 год реальные доходы населения выросли на 1% по сравнению с 2008 годом, заработная плата в реальном выражении сохранилась на уровне прошлогодней. Небольшой кризисный спад доходов и заработков населения летом 2009 года (на 5% в августе) был преодолен. Это следствие использования государством накопленных финансовых резервов, которые позволили повысить пенсии, пособия и другие социальные выплаты, смягчив кризисное падение заработной платы.

Принимая во внимание, что заработная плата является основным источником доходов большинства россиян и составляет две трети структуры доходов всего населения, вполне естественно, что ситуация, сложившаяся на рынке труда, оказывает доминирующее влияние на масштабы распространения бедности. Сформировались целые отрасли, воспроизводящие бедность. Прежде всего, к ним относятся организации и учреждения бюджетного сектора экономики: здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение, образование, культура и искусство. Еще одна группа отраслей, продуцирующая бедность – это отрасли с низким уровнем конкурентоспособности продукции. Таким образом, неэффективная экономика стала хроническим очагом распространения российской бедности.

Базой оценки трудовых затрат на государственном уровне является величина прожиточного минимума. В настоящее время расчет прожиточного минимума осуществляется по методике, разработанной в период кризиса 90-х годов XX века на кратковременный период. Периодически она проходит косметическую корректировку, не приводящую к существенным изменениям. Помимо того, что

⁴⁵ См. официальный сайт Росстата: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/48.htm

принятая потребительская корзина несовершенна с медико-биологической точки зрения, она вообще не включает затраты, связанные с содержанием семьи. А это значит, что проблемы воспитания детей и поддержки престарелых родителей остаются вне плоскости экономических отношений, что, безусловно, ведет к масштабным демографическим проблемам, особенно в условиях высокой стоимости жилья, увеличения масштабов платности услуг образования, здравоохранения, внешкольного досуга и дошкольного воспитания. По данным Центра стратегических исследований в 2000–2008 годах тарифы на жилищно-коммунальные услуги в России выросли почти в 9,5 раза, медицинские услуги в 4,2 раза, услуги домашнего воспитания - в 5,1 раза. Но, как показывает практика, это не предел: рост тарифов на услуги ЖКХ в начале 2010 года в отдельных регионах страны не только превысил максимально возможные 25 %, но оказался просто запредельным и стал причиной массовых протестов населения.

* * *

Перемены начала 1990-х стали возможны и потому, что в обществе появился запрос на них – имелось «социально-активное меньшинство» во властных структурах, в массе интеллигенции – научной, технической, творческой. Однако за «шоковый» вариант модернизации была заплачена очень высокая экономическая и социальная цена, в результате чего Россия погрузилась в перманентный социально-экономический кризис. Вместо обещанного радикалами «народного капитализма» восторжествовал номенклатурный капитализм, общество раскололось, реальностью стал процесс деиндустриализации со всеми вытекающими кризисными следствиями». ⁴⁶ Радикально-либеральная модернизация сопровождалась столь противоречивыми и драматическими последствиями, что сегодня, в конце первого десятилетия нового века слова «демократия», «реформы» стали пугалом для широких масс населения, которые в начале 2000-х приветствовали курс на создание властной вертикали и наведение пресловутого «порядка». Относительная стабилизация, обеспеченная запредельно высокими ценами на энергоносители, сформировала новый запрос, теперь уже патерналистский, поэтому реализовать следующий проект модернизации придется проверенным способом – мобилизационным, сверху. Удастся ли реализовать его без традиционного для России разрыва преемственности, покажет время.

Гутник А.В.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК МЕХАНИЗМ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Развитие инновационных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) выступает важным элементом модернизации страны. Итогом их внедрения становится формирование информационного общества, характеризующегося высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти, ⁴⁷ как во всем мире, так и Российской Федерации. Главной целью формирования такого общества является повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности страны, совершенствование системы государственного управления, развитие различных сфер жизнедеятельности общества, на основе использования ИКТ.

⁴⁶ Согрин В. В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 130.

⁴⁷ Стратегия развития информационного общества в РФ от 7 февраля 2008 г. N Пр-212

Д.А. Медведев в одном из своих выступлений отмечал, что, прежде всего надо обеспечить людям на всей территории страны наилучший доступ к информации с использованием цифровых технологий. При этом внедрение современных информационных технологий, доступность качественных государственных услуг в этой области, расширение возможностей широкополосного доступа в Интернет – главные показатели развития информационного общества а, в конечном счете, показатели «современности», конкурентоспособности и комфортабельности страны.

Основные положения развития информационного общества в Российской Федерации изложены в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации. В рамках данной стратегии ставятся задачи, решение которых должно привести к воплощению поставленных целей в жизнь. К этим задачам относятся:

- правовое обеспечение инновационных информационных технологий;
- формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий;
- повышение качества образования, медицинского обслуживания, социальной защиты населения на основе развития и использования информационно-коммуникационных технологий;
- развитие экономики Российской Федерации на основе использования информационно-коммуникационных технологий;
- повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, а также качества и оперативности предоставления государственных услуг;
- обеспечение национальной безопасности в информационной и коммуникационной сферах, и т.п.

Для решения поставленных задач государство:

- разрабатывает основные мероприятия по развитию информационного общества, создает условия для их выполнения во взаимодействии с бизнесом и гражданским обществом;
- определяет контрольные значения показателей развития информационного общества в Российской Федерации;
- создает благоприятные условия для интенсивного развития науки, образования и культуры, разработки и внедрения в производство наукоемких информационно-коммуникационных технологий;
- обеспечивает повышение качества и оперативности предоставления государственных услуг организациям и гражданам на основе использования информационно-коммуникационных технологий;
- создает условия для равного доступа граждан к информации, и т.п.⁴⁸

Одним из приоритетных направлений в области совершенствования системы государственных гарантий в информационной сфере в нашей стране становится развитие законодательной базы и механизмов исполнения нормативно-правовых актов. В связи с глобализацией при создании нормативно-правовой базы, так или иначе, придется учитывать и международную практику. В рамках международного сотрудничества основным направлением такой работы становится участие в разработке международных норм права и механизмов, регулирующих область применения глобальной информационной инфраструктуры.

⁴⁸ Стратегия развития информационного общества в РФ от 7 февраля 2008 г. N Пр-212

В Российской Федерации законодательная база в области информационных технологий опирается на сегодняшний день на ряд законов, в том числе:

- Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации»;
- Федеральный закон «О связи»;
- Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»;
- Федеральный закон «О доступе к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».⁴⁹

Необходимо учитывать, что динамично развивающийся рынок ИТК технологий требует если не пересмотра, то по крайней мере постоянного совершенствования законодательных актов. Существующая нормативная правовая база не обеспечивает достаточного регулирования сложившегося многообразия отношений, возникающих в рамках создания и использования информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении, и не всегда соответствует международной практике. Действующие нормативные правовые акты, как это у нас часто бывает, не согласованы между собой и регламентируют только отдельные аспекты информационного обмена.

Несомненно, информатизация общества сделает более легким доступ к образованию, знаниям, к средствам массовой информации любого вида, к информации о банковских операциях, платежах, необходимых экономических показателях, а так же непосредственное взаимодействие с руководящими органами власти и т.д. – не только в мегаполисах, но и в каждом городе, любом отдаленном и труднодоступном поселке и деревне. Именно поэтому в рамках построения информационного общества уделяется внимание формированию «электронного правительства», под которым подразумевают систему управления и взаимодействия с населением. В мае 2008 года Правительством была одобрена Концепция формирования электронного правительства до 2010 года, целями которого провозглашаются:

1. повышение качества и доступности, предоставляемых организациям и гражданам государственных услуг, упрощение процедуры и сокращение сроков их оказания, снижение административных издержек со стороны граждан и организаций, связанных с получением государственных услуг, а также внедрение единых стандартов обслуживания граждан;
2. повышение открытости информации о деятельности органов государственной власти и расширение возможности доступа к ней и непосредственного участия организаций, граждан и институтов гражданского общества в процедурах формирования и экспертизы решений, принимаемых на всех уровнях государственного управления;
3. повышение качества административно-управленческих процессов;
4. совершенствование системы информационно-аналитического обеспечения принимаемых решений на всех уровнях государственного управления, обеспечение оперативности деятельности органов государственной власти и обеспечение требуемого уровня информационной безопасности электронного правительства при его функционировании.⁵⁰

Сегодня подавляющее большинство федеральных структур обеспечено современными компьютерами, подключено к сети Интернет. Практически во всех государственных органах сформированы базы данных. Но в целом работа не переведена пока еще полностью в электронный режим, то есть пока не реализован электронный документооборот. Исходя из этого, первоочередное внимание в рамках

⁴⁹ www.consultant.ru

⁵⁰ www.minkomsvjaz.ru

развития ИКТ технологий уделяется взаимодействию федеральных информационных систем электронного документооборота, под которым понимается обмен электронными сообщениями (ведение служебной переписки в электронной форме) между участниками межведомственного электронного документооборота, в том числе:

1. документы из одного ведомства (организации) в другое передаются за считанные минуты: например, из органа исполнительной власти края в орган местного самоуправления краевого центра распоряжение губернатора поступает через несколько минут после подписания;
2. снижаются затраты на обеспечение взаимодействия между разными органами власти, упрощается администрирование этого процесса;
3. появляются инструменты для отслеживания сроков предоставления иными органами власти данных и документов, необходимых для принятия решений и предоставления госуслуг;
4. документы могут быть даже подписаны в электронном виде при использовании в организациях ЭЦП (электронной цифровой подписи) — передача подписанных ЭЦП документов может считаться достаточной и не требовать дублирования бумажными документами;
5. поиск документов, независимо от организации их подготовившей, занимает несколько минут, если межведомственный документооборот двух и более организаций реализован в едином информационном пространстве — все организации работают фактически в единой системе.⁵¹

На сегодняшний день для граждан в большинстве случаев пока нет возможности отправить с личного компьютера какое-либо заявление или проследить за прохождением своей бумаги в том или ином ведомстве, получить электронную справку по системе «одного окна». Функционирование системы «одно окно» будет служить неким аккумулятором для установления особой формы государственно-частного партнерства.⁵² В этой связи весьма актуальным стало подписание в феврале 2009 года Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».⁵³

Социальная сфера так же нуждается в использовании информационных технологий и это выражается в обучении информатике в образовательных учреждениях; в здравоохранении, это выражается в необходимости перехода к ведению всей соответствующей документации в электронном виде, развития программы цифровизации крупных архивов и т.д.

На пути развития информационного общества в РФ, в связи с географическими особенностями и неравномерности экономического развития возникает проблема цифрового неравенства, в первую очередь между регионами. Поэтому, необходимыми условиями для эффективного функционирования и развития ИКТ являются: всесторонний учет региональных особенностей, с присущими им потребностями и проблемами, а так же привлечение из различных источников бюджетных и внебюджетных ресурсов и инвестиций, чему будет способствовать создание благоприятных экономических условий развития бизнеса, в том числе повышение его прозрачности. Для осуществления общественного контроля над процессом внедрения информационных технологий, обеспечения его непрерывности, объективной оценки эффективности принимаемых мер и качества исполнения решений необходимо привлечение авторитетных экспертов,

⁵¹ www.boss-referent.ru

⁵² www.rosoer.ru

⁵³ www.lenizdat.ru

специалистов и ученых, специализирующихся в области инновационных информационно-коммуникационных технологий.

Для решения большинства из этих проблем сегодня государством реализуется комплекс мер по формированию инновационной инфраструктуры России. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике утверждена Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года и План мероприятий по ее реализации (протокол от 15 февраля 2006 г. № 1). Завершается создание ОАО "Росинфокоминвест" (находится в ведении Министерства по информационным технологиям и связи РФ) и "Российской венчурной компании" (находится в ведении Министерства по экономическому развитию и торговле РФ), Национальная Ассоциация Инноваций и Развития Информационных Технологий. Совершенно однозначно можно положительно оценить эффект от внедрения информационно-коммуникационных технологий, как условие нормального и непрерывного функционирования экономики России, а также более быстрой и успешной модернизации страны.

Гонтмахер Е.Ш.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Ключевое звено, определяющее перспективы модернизации – это качество элиты, ее способность сформулировать приемлемый для общества проект и найти политическую волю к его реализации. При этом повод для системных сдвигов есть. Россия настолько выросла во внешние связи, что она не сможет проводить модернизацию чисто «по-русски», вне общей логики перемен в мире. Это определяется не некой «закулисой», а объективными процессами глобализации.

У социально активного меньшинства есть стремление к переменам. Оптимальным было бы соединение давления снизу с рациональным стремлением «верхов» к модернизации, однако пока перспектив этого нет. Значительная часть правящей элиты воспринимает реальность сквозь призму текущих, конъюнктурных соображений или преувеличенных оценок стабильности своего положения. Это может привести к неожиданным «всплескам» активности масс «снизу» или к острым конфликтам «наверху», при этом неизвестно, что будет более разрушительным. Одно из наследий Петра I ушедшего, не оставив наследника – это целая эпоха верхушечных, дворцовых переворотов, от чего в современных условиях пострадают все.

Оценивая перспективы сближения разумного меньшинства в правящей элите и активного меньшинства общества, необходимо учитывать, что модернизация, прежде, чем она принесет свои плоды, потребует значительных издержек – роста безработицы, падения доходов населения. Можно констатировать, что препятствий на пути поступательного развития общества, решения его проблем более чем достаточно.

Вернуться из авторитарного режима обратно в демократию без революций и потрясений очень сложно. Владимир Путин и Дмитрий Медведев понимают, что, если немного раскрутить гайки, их могут просто сменить.

Но потеря власти — это еще не все. В рамках демократических процедур, независимой судебной системы к ним могут прийти и спросить за прошлое. На днях 30 лет тюрьмы получил Хуан Бордаберри, который правил в Уругвае в середине 1970-х. Конечно, Владимир Путин и Дмитрий Медведев не могут таких вещей не учитывать. Но если консервировать нынешнюю предконфликтную ситуацию, то они этот конфликт и получают. И тогда события могут уже полностью выйти из-под их контроля. Так что лучше вовремя начать неизбежный процесс, чем получить развал и поставить свою жизнь под угрозу. Эти два человека держат два ключа от начала

модернизации. Они должны быть вставлены и запущены. И нужно сделать так всем вместе, чтобы Дмитрий Медведев и Владимир Путин почувствовали, что они, начав эту модернизацию, ничего не потеряют.

Критики, особенно справа и слева, скажут: эти люди себя запятнали. А других у нас нет. Я не призываю одних авторитарных лидеров сменить на других лидеров такого же типа. Я считаю, что нынешние руководители должны передать власть следующему поколению демократическим путем.

Демократизация ставит под угрозу не только лидеров, но и тех, кто активно участвовал в создании и укреплении этой системы. Как нейтрализовать противодействие этого слоя? Можно ли повторить испанский опыт, где в результате пакта Монклоа бывшие сторонники и противники диктатуры научились жить вместе?

Видимо, нужно заключить соглашение между всеми политическими силами о том, что общество обязуется не предъявлять жестких требований по отношению к определенной группе лиц. Кроме каких-то бандитов. Это можно даже законодательно прописать. Единственное, чего нельзя делать в любом случае, — это проводить люстрацию. Нельзя делить: эти плохие, а вот эти хорошие. Если вдруг всплывет, что люди организовали чье-то убийство, заказали кого-то, конечно, их надо судить. Но если речь идет о том, что они где-то в результате административного давления у кого-то что-то перехватили, то на такие действия должна распространяться амнистия.

Сейчас заканчивается перераспределение ресурсов от участников приватизации середины 1990-х к новым олигархам. Их мало кто знает, но они имеют достаточно большие состояния. Нельзя требовать, чтобы у них была отнята собственность. И такой пакт о ненападении должен соблюдаться какое-то долгое время, возможно десятилетия. Это сложно. Потому что нет никакой гарантии, что через несколько лет в Думе не будет сидеть другое большинство, которое сможет этот закон отменить. И тогда эти люди, которые еще будут живы, окажутся беззащитными. Поэтому в механизме примирения заложена серьезная проблема.

Но для этого надо убедить общество. Оно очень нетерпимое, слишком много негатива, желания кого-то раскулачить. Здесь большую роль должно сыграть международное сообщество — элиты стран, которые с нами так или иначе взаимодействуют. То есть гарантии должны быть международными. Это очень важный момент.

Мы должны запустить процесс управляемого взрыва. И если это будет правильно сделано, то через 5–10 лет мы сможем увидеть плоды наших дел. Если делать через пень-колоду, все затянется лет на 15–20. Если же не делать ничего, то мы демократии, возможно, вообще никогда не увидим.